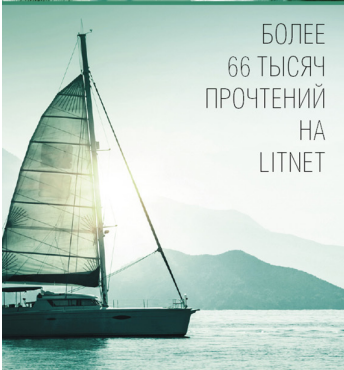

ВАЛЕРИЯ
САВЕЛЬЕВА

ЭТОТ
ДОЖДЬ
РЕШАЕТ
ВСЁ

БОЛЕЕ
66 ТЫСЯЧ
ПРОЧТЕНИЙ
НА
LITNET

Валерия Савельева

Этот дождь решает всё

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42677285
Этот дождь решает всё: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114647-4

Аннотация

В романе «Этот дождь решает все» Ангелина переезжает на юг, где ее не радует ни море, ни соленый воздух, ведь она потерялась. Нет, не в городе. В чувствах. Кажется, Ангелина осталась одна – и навсегда. А еще этот Соломинцев... Почему он такой мерзкий?

«Моя причина любить снег» – это короткая история о Софии, которая не испытывала ничего, кроме боли и отчаяния, с тех пор как в ее жизни появился красавчик Коля. Ведь ему не нужна любовь, ему нужна идеальная девушка: тихая и покладистая, – для настоящего парня. Погибая в этих отношениях, однажды Софи понимает: хватит, она станет сильной!

Когда разочарование рвет душу, когда кажется, что все кончено, замри: скоро в твою дверь постучится настоящая любовь.

Содержание

Этот дождь решает все	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	66
Глава 7	81
Глава 8	93
Глава 9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Валерия Савельева

Этот дождь решает всё

© shutterstock.com

© Валерия Савельева, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ты открываешь книгу в надежде найти в ней друга.

В надежде увидеть себя.

В надежде понять: твою боль – кажется, невыносимую, – понимает кто-то ещё.

Здесь есть и настоящая любовь, здесь есть настоящие друзья. И все твои ошибки – ты знаешь это точно – будут прощены, ведь все мы люди, все мы их совершаем и все мы хотим, чтобы нас простили.

Знаешь, такое бывает не только в книгах.

Посмотри вокруг: разве все эти истории – не из настоящей жизни?

Возле тебя есть хорошие люди. Нужно только присмотреться.

Даже если так кажется, знай: ты не одинок.

Редактор

Этот дождь решает все

Глава 1

– Знаешь, а я с детства любила эту книгу...

Голос звучал мечтательно, а на губах играла улыбка. Она никому об этом не рассказывала, но середина ночи, тихий стук дождя по стеклу и смех подруги, раздающийся в наушниках, почему-то располагали к откровенности.

– Порой так хочется, как и Ассоль, найти принца, который ради тебя приплывет на корабле с алыми парусами. Своего Грэя.

– И так же, как она, согласиться уплыть с ним далеко-далеко? Ты ведь понимаешь, что это не самая добрая, легкая и наивная сказка?

– И что? Почему бы и нет? – Она обняла колени руками. – Каждый имеет право на сказку.

Уже в середине осени на черноморском побережье наступает затишье. По окончании «бархатного сезона» некоторые города становятся призраками. Безлюдные улицы; закрытые, иногда даже по старинке заколоченные двери пустых магазинов и кафе; пронизывающий бриз... Есть в этом что-то зловещее, но в то же время непреодолимо привлекательное.

Словно одинокий вымерший город – твой собственный мир, где нечего бояться и не о чем переживать. Ни несправедливости, ни косых взглядов, ни предательств. Можно раскинуть руки в спокойствии тяжелого, плотного воздуха и просто расслабиться. Здесь ты сама себе хозяйка!

– Эй! – крикнула я, и голос разнесся по улице, возвращаясь эхом: «Эй... эй...»

Город всецело твой. Особенно здесь, на самой окраине, откуда местные, когда курортный сезон подходит к концу, стремятся поскорее перебраться в центр, поближе к рабочим местам. Вместе с осенью к людям приходит лень, обволакивает нас теплым пледом, ласково гладит по голове и шепчет на ухо: «Нет, остановись. Замри в мгновении, застынь, словно насекомое в янтаре». И мы соглашаемся, сдаемся, лежим в постели «еще минуточку» и отказываемся от завтрака ради лишних мгновений сна.

Однако я в этом году впервые не чувствую на своих плечах цепкие лапки лени так остро, как раньше. Меня покорило море, маленький городок на побережье и его осенняя спячка. Зато лето-ом... вот когда была смерть! Мне, сибирячке, едва хватило сил его пережить. К такой удушающей, давящей и потихоньку убивающей жаре я никогда не смогу привыкнуть. Пока солнце нещадно палило, я не высовывала носа из комнаты, отсиживаясь под кондиционером, а любимая бабуля скакала вокруг, словно кузнечик, принося то мороженое, то прохладный компот/напиток/чай (нужное под-

черкнуть).

Страшные дни. Не то что *дома!*

Мы с родителями ни за что не переехали бы из родной – суровой, холодной, но любимой – Сибири, если бы не обстоятельства. Отец до недавних пор носил гордое звание «бизнесмен»: у него была достаточно крупная фирма, занимающаяся шахтовым оборудованием. Но с заместителем и компаньоном нашему выдающемуся папе-директору не повезло. Сам сглупил, конечно. Пока мы всей семьей зимой летали в Тай, этот гад ползучий – а по совместительству «лучший друг» отца Виталья – затянул фирму в серьезные неприятности. Он неплохо скрывал, что подсел на азартные игры, но и на старуху бывает проруха. В наше отсутствие Виталья проигрался и растранил почти все деньги фирмы, а свою долю вообще заложил какому-то мужику. Думаю, дальнейшее развитие событий вполне ожидаемо? Пока мерзкий «соучредитель» где-то отсиживался, исчезнув со всех радаров, мы не только обанкротились, но и влезли в долги. Папа не оставлял попыток отыскать Виталия, чтобы повесить все на него, но получалось плохо.

Тогда-то на помощь и пришел дед. Любимому сыну он вправил мозг и заставил выручить за остатки компании хоть какие-то копейки, заложить квартиру, чтобы покрыть часть долга, а потом... потом недоученный программист в моем лице, оставшийся без средств к существованию, с трудом выбил академический год в институте и с семьей перебрал-

ся сюда, на черноморское побережье. В душе все еще жива надежда как-нибудь наскрести денег на съемную комнатушку и обучение в родном сибирском городке. Конечно, можно было бы заведомо попытаться устроиться на работу и не уезжать – студентов нашего института охотно брали в достаточно престижные компании, – но пришлось отместить такой план как невыполнимый. На частичной занятости нужной суммы я бы все равно не заработала, а на полный рабочий день устроиться было нельзя. Спасибо вузу! В нем заочки по нашей специальности не существовало.

Ничего, что-нибудь придумаю. Возможно, за год смогу накопить хоть немного. Еще в конце лета дед щедро подкинул мне работу в своей фирме. У него не самая большая, зато успешная студия по разработке компьютерных игр, художники всегда нужны. Оплата зависит от работоспособности, так что если не буду отвлекаться...

Я толкнула дверь небольшого кафе, и в нос сразу ударили приятные запахи кофе и свежей выпечки, уносящие из головы все плохие мысли. О проблемах я вспомню потом, когда вновь выйду на улицу. А пока можно расслабиться, насладиться теплом, спокойствием и восхитительными ароматами.

– Мариночка! – крикнула я, когда колокольчик над дверью затих. – Это Ангелина. Я за заказом, забрать можно?

Сначала послышался грохот посуды с кухни, а потом в дверях появилась и сама радушная хозяйка с большой та-

релкой печенья в руках. Марина Васильева – владелица самого прекрасного кафе-пекарни в городе, которое не делало перерыв даже на зиму, радуя местных вкуснейшими сладостями, – по совместительству считалась лучшей подругой моей бабушки, хоть и была младше лет на пятнадцать. Пышная черноглазая брюнетка с армянскими корнями посвятила кулинарии всю свою жизнь... и стала погибелью для моей фигуры.

– Привет, зайка, – улыбнулась она, опуская тарелку на витрину и расцеловывая меня в обе щеки. – Булочки для Степы готовы, сейчас принесу. Что-нибудь для тебя?

Я усмехнулась, прикидывая, сколько еще мое брренное тельце выживет в нормальной форме без спорта и с таким количеством сладкого, но все же ответила:

– Как обычно, Марин. Латте без сахара и вишневую слойку. Найдутся?

– Пару минут, Ангелок.

Довольно кивнув, я приземлилась на ближайший барный стул и принялась постукивать пальцами по стойке. Несмотря на совершенно неангельский характер, Ангелком меня зовет почти вся семья, лишь папа, выбравший когда-то для дочери имя Ангелина, продолжает величать меня так. Наверное, из вредности. Потому что знает, насколько я не люблю свое имя.

Геля... в младших классах одноклассники вечно обзывали меня Девочкой-гелием и пародировали тоненькими голо-

сами мультяшных бурундуков. Но время шло, вкусы менялись, и вместо Девочки-гелия я стала Энжел, ангелком с дьявольской сущностью...

В сумочке запищал мобильник, и я торопливо достала его, проверяя сообщение.

Simon

Энжи, как ты там? Пятый день молчишь.

16:47

Не открывая уведомление, я раза три внимательно пробежалась глазами по вопросу, в конце концов остановив взгляд на фотографии, большую часть которой занимал ярко-красный зонт. Саймон говорит ответить, но Энжи плохо играет в эту игру, а потому молчит. Сейчас заберу заказ, дойду до набережной и там разберусь со всеми сообщениями.

Я приняла из рук Марины два бумажных пакета и картонный стаканчик с кофе, получила на прощание крепкие объятия хозяйки и вышла из кафе. Прохладный ветер мгновенно подхватил волосы, проник под расстегнутую куртку. Я вдохнула полной грудью, в очередной раз наслаждаясь свежестью, свободой и тишиной города, и направилась в сторону набережной. Главное, не забыть по пути закинуть домой пакет булочек для деда, а потом уже можно будет смаковать горячий латте и портить фигуру.

Вскоре с чувством выполненного долга я упала на лавочку, поворачиваясь лицом к морю и наблюдая за ровным биением волн. С кофе и Мариной выпечкой я привыкла при-

ходить именно сюда, особенно если «ВКонтакте» висела парочка неотвеченных сообщений от Саймона или от Катюши. Это вызывало приятную ностальгию, словно вернулся один из тех первых летних ливней, в которые я поняла, что все не так уж плохо...

В тот день я не плакала – рыдала. Сидела под зонтом на лавке на самом краю набережной, смотрела на неистово бьющиеся почти у самых ног волны, давилась кофе и рыдала. Ванильная, киношная и чертовски глупая сцена. Но это была первая наша неделя после переезда, я умирала от адской жары и убивалась из-за мыслей об институте. Дед еще даже не помышлял позвать меня в свою фирму, и казалось, что жизнь просто кончена – оборвалась где-то на отметке между «позавчера» и «сейчас». Пограничное состояние длиною в вечность, которое должно было закончиться всего через год – оставались только пятый курс и диплом специалиста, – а перешло в новую, усовершенствованную стадию.

Я не представляла, что делать дальше. Мама с папой постоянно мотались по бесконечным горным серпантинам, с легкой подачи и помощью деда планируя открыть ателье в Сочи и всю неделю, кроме выходных, жить там. Бабушка готовила небольшую гостиницу к новому сезону, дед руководил созданием десятка новых проектов, а я... я повисла в пустоте. Без образования, без планов на будущее.

– Это же надо с такой скоростью хомячить! – раздался за спиной мужской голос.

От неожиданности я выронила из рук пакет с вишневыми слойками прямо на асфальт. Капли теплого ливня, от которых частично спасал лишь потрепанный бабушкин зонт, мгновенно вцепились в выпечку, словно только этого и ждали. Две слойки за считанные секунды разбухли, превращаясь в неаппетитную кашу. Еще одна уже угнездилась в желудке, быстро, неведомый комментатор не соврал, но... но... еще две...

Вместо того чтобы накричать на виновника случившегося или хотя бы огрызнуться в ответ, я разревелась пуще прежнего, размазывая по щекам слезы вперемишку с дождем и задыхаясь при каждой попытке что-либо сказать.

– Я... не хомячу... – Выдавить это получилось с трудом. – Я ем.

Незнакомец за спиной хмыкнул, чиркнула зажигалка, и сквозь пелену дождя потянуло сигаретным дымом. Вновь шмыгнув носом, я закашлялась и наконец повернула голову. Недалеко от лавки на каменном парапете сидел парень – или молодой мужчина, если судить по одежде. В пальцах тлела сигарета, а лицо почти полностью скрывал огромный ярко-красный зонт. Только подбородок виднелся и приподнятый в ухмылке левый уголок губ.

– Можно не курить поблизости? Неужели места мало? – возмутилась я.

Сигаретный дым настолько выбил из колеи, что я даже плакать перестала. Сидела, хлопая глазами и глядя на парня. В серости окружающего мира алое пятно зонта казалось ядовитым, кровавым.

– А что не так? – Уголок губ приподнялся еще выше.

– Это некрасиво. И для здоровья не полезно, – выдала я. Подобное я каждый раз повторяю папе, пытаюсь отучить его от сигарет. У мамы аллергия на табачный дым, поэтому я с детства привыкла ругаться с курильщиками. Иногда даже забываю, что сама не аллергик.

– Так уж некрасиво?

– На все сто.

Сигарета скрылась под зонтом, и в воздух вырвалась очередная струйка дыма. Но на этом все. Тлеющий кончик опустился на влажный камень парапета, а потом потушенный окурок полетел в ближайшую урну.

– Так лучше? – Казалось, парень улыбается.

Я кивнула, сама нехотя улыбаясь, и сделала глоток остывающего латте. Слезы почти закончились, зато резко заболели глаза. Убитые дождем слойки стало жаль в несколько раз сильнее.

– И почему такая красивая девушка плачет в одиночестве? – Парень явно не собирался молчать.

– А что, плакать нужно в компании? – фыркнула я, но тут же пожала плечами, добавляя: – Это не самая интересная история.

– Трагичная любовь?

– О нет, любовь относится к интересным историям, – я усмехнулась. – Просто я потерялась.

Сбоку послышался плеск. Я скосила глаза. Оказалось, молодой человек удобней устроился на парапете, в итоге окончательно закрываясь зонтом.

– В городе? – Словно ему на самом деле было интересно.

– В жизни. – Я покачала головой. – А теперь еще и слойки потеряла, – проворчала, указывая на кашеобразное нечто в луже, и сделала очередной глоток кофе. Зонт едва не вылетел из рук, но напрочь промокнушей мне это было и не страшно.

– Но в жизни, как и в городе, легко можно найтись. Нужно просто выбрать правильный маяк. Или проводника.

– Маяк? – спросила я спустя несколько секунд раздумий.

– Именно. Маяк. Проводника. Место, событие или человека, которые удерживают тебя, ведут вперед. Которые дают свет.

С этими словами парень поднялся, порывшись в рюкзаке и пошел прочь. Когда он проходил мимо моей лавки, я ощутила какое-то движение – быстрое, почти молниеносное. Когда я очнулась, парень уже заворачивал за угол, а рядом с кофейным стаканчиком лежал пакетик с точно такой же слойкой, какую недавно ела я. И слойка была еще теплой.

После того случая я искренне задумалась о «маяках-про-

водниках», которые удерживают меня в этом городе. Их оказалось три: дед, бабушка и Катюша – семья и подруга, которым важно, что я здесь. Моя команда.

А еще через пару недель «ВКонтакте» ко мне добавился некий Simon Crow, которого Катя сразу окрестила «парнем с зонтиком». На фотографии профиля были огромный красный зонт и улыбающиеся губы, на остальных – молодой человек с пристальным взглядом карих глаз.

Я не узнала его имени, ни разу не заговаривала о той встрече под дождем... но общаться стала. Потому что если он тот человек, то спасибо ему за совет.

Глава 2

– Девочки, девочки, к нам Стасик идет!

– Что-о? Лапочка Соломинцев? Срочно прибираемся!

Сидела я следующим утром на работе, никого не трога-ла, перерисовывала уже третий по счету набросок главной героини игры, скромной брюнетки лет двадцати, а тут «это». Плановое сумасшествие в честь редкостного идиота! Впрочем, идиота этого обожают все дамы отдела – и, думается мне, не только нашего – от мала до велика, включая Зинаиду Ивановну, которой этот самый «лапочка Соломинцев» в сыновья годится. Если не во внуки.

Теперь девочки носились между столами, стремясь перед приходом обожаемого «лапочки» привести всё хотя бы в от-носительный порядок. С тем бардаком, что обычно у нас царит, миссия была практически невыполнима. Здесь и специа-генты не помогут; я даже не уверена, что творческий бардак на столах художников сможет разобрать профессиональная клининговая служба. Наброски поверх планшета, бумаги по-верх папок – и все это приправлено парой кружек с недопи-тым чаем. Так и живем!

Я не обращала внимания на метания коллег, но всеце-ло сосредоточилась на пикинувшем телефоне, открывая WhatsApp. Ответить подруге было гораздо важнее, чем по-пытаться убрать неубираемое ради какого-то там Соломин-

цева. За художниками дед не следит, пока они не проваливаются сроки. Желаете весь рабочий день маяться фигней? Прощу. Только к утру, пожалуйста, отчитайтесь о выполнении дневного лимита – и плевать, если придется для этого пахать всю ночь.

– Энжи, ну чего уселась? Разве не слышала, мальчишки идут? Помоги хоть немного, – рыкнул кто-то за спиной.

Я и ухом не повела. Коллега, повторив вопрос еще несколько раз, дождалась от меня лишь хмурого взгляда и наконец-то отстала, оставив наедине с мобильным и подружкой. Та-ак, что там Катюша писала?

Katrin

Солнце, как сегодня настрой?

Не желаешь прогуляться после работы?

12:55

Я честно задумалась, прикидывая, успею ли доделать необходимые наброски до утра. Вечером, после моего вчерашнего налета ностальгии, дед попросил пока отложить предыдущий проект и взяться за новый. Сценарист-криэйтор, с которой я вкалывала над старым заданием, предложила интересную идею, и предстояло разработать для нее часть концепта. Ничего особенного, лишь игра на поиск предметов, но в них от художников зависит многое.

Devil

Очень желаю, милая. Но дед подсунул новый проект.

Если согласишься разглядывать наброски и выбирать

лучший вариант, то я с радостью тебя загрузу этим вечерком.

12:59

Кто здесь Ангелок с демонической сущностью? Именно: в сети я злой и пугающий Дьявол! Это дело привычки, старый сетевой ник вначале прошелся по любимым форумам, а теперь перекочевал и в Вотсап.

Katrin

Новые наброски? *__* я всегда с радостью! К тому же, помнишь? «Что бы ни случилось, раз теперь мы рядом, чаще будем встречаться»?

13:00

Я просияла. Катюша цитировала мои собственные слова. Мы так долго жили в разных уголках России, разделенные всего пятичасовым, но чертовски дорогим перелетом, что теперь решили наверстать упущенное. Пока что словам успешно удавалось следовать.

Только я собиралась ответить, как по офису разнесся дружный гул, а потом все мигом затихли. Ну вот, Ста-асик явился! Я раздраженно скрипнула зубами и, игнорируя болтовню и предложения попить чайку, набрала подруге подобие ответа.

Devil

=)

13:02

Katrin

Ясно. Во сколько?

13:02

Именно в этот момент я заметила знакомую тень, упавшую на рабочий стол, и торопливо капитулировала, чтобы незваный гость не успел подсмотреть сообщения.

Devil

Можно в восемь. А пока убегаю, тут Местный Монстр пришел(

13:03

Ответа я уже не видела, хотя телефон призывно пиликнул, прося обратить на него внимание. Вместо этого я покосилась на стоящего над душой парня. Он окинул меня многозначительным взглядом и поинтересовался:

– Здравствуй, не у тебя ли опять проблемы?

Хм, на удивление адекватен на этот раз.

– Кажется, кое-кто позабыл: если бы что-то случилось с моим компьютером, тебя бы не позвали. Со всеми проблемами могу разобраться сама, – ответила я, выдавив подобие улыбки.

– Удивительно. Точно, позабыл... – протянул Соломинцев, на зависть всем дамам слишком долго задерживая взгляд на моей персоне. – Пока шел сюда, все думал: не та ли пигалица, случаем, вновь в системнике что-то умудрилась спалить?

Я поджала губы, внутренне рыча на коллегу из другого

цеха и готовясь впиться ему ногтями в лицо, если продолжит в том же духе. Гад. Бесит!

Увы, всеобщего любимца Стаса Соломинцева я совершенно не уважала, а уж не обожала тем более. Взаимная – по крайней мере, по моему мнению – неприязнь у нас возникла с первой встречи, случившейся неделю назад. В офисе я работаю два месяца, с конца августа – поначалу из-за непривычного климата была лишь внештатником и рисовала дома, – но удивительное везение: полтора из них Стаса я знала лишь по рассказам. Как только этого парня ни называли: умелец, чудо, гений, красавец, но чаще всего, конечно, – «лапочка Соломинцев».

Он был одним из программистов фирмы, тех, кто брался и за сбор маленьких игрушек, похожих на мои проекты, и за работу в команде над полноценными 3D-играми, которые позже, возможно, станут известными если не на весь мир, то хотя бы на всю Россию. Начинал как техник-компьютерщик... Собственно, потому наши дамы при каждом удобном случае зовут именно его, а не кого-то из рабочей команды.

Когда я слушала многочисленные восторги по поводу этого парня, он казался сущим гением, чертовски хотелось с ним познакомиться и пообщаться. О работе здесь, о железе, о софте... Зря, как же зря я этого жаждала, не знала же, какая он бесконечная язва! Увы, пусть не в первые дни, но шанс представился...

Одним прекрасным или, скорее, ужасным осенним утром

я пришла на работу, щелкнула кнопку абсолютно адекватного и рабочего системного блока, а он... просто-напросто не включился. Я – как человек, у которого целых четыре курса деканом был маньяк, помешанный на железе и собирающий шикарные компьютеры из смеси хлама и дорогуших деталей, – сразу полезла разбирать системник, чтобы удостовериться в своих догадках. Час еще был ранний, техники на работу приходили заметно позднее нас, да и не хотелось их напрягать ради пустяка... в общем, я решила собственноручно все отремонтировать.

Но предательницы в лице девочек-коллег, конечно же, сделать этого не дали. Что вы, как можно? Ведь представился прекрасный шанс понаблюдать за работой Стасика! Потому, пока я копалась в железе, соображая, как разобраться с поломкой, эти дурынды вызвонили своего «лапочку» и попросили быть побыстрее. Он и прибыл в мгновение ока, ни капли не задерживаясь.

Сижу, значит, я на полу, решая, стоит ли пытаться переплавить сгоревшую материнскую плату старого образца, – судя по виду, основательно так и бесповоротно сгоревшую, – или лучше заставить деда приобрести новый, более мощный системник. И тут дверь распахивается и на пороге нашего отдела появляется *он*. Молодой человек, не подозревающий о существовании хоть какого-то дресс-кода. И плевать, что в нашей компании в принципе нет никаких требований к одежде, это ведь не означает, что можно являться сюда в совер-

шенно любом – даже самом безумном – виде.

У молодого человека он был особенно дикий – ядреная помесь анимешника с автомехаником. Итак, высоченный парень – под метр девяносто точно, если не больше, – лет двадцати – двадцати пяти, обряженный в сине-серебристый комбинезон; на голове какая-то белая тканевая повязка, от которой не особо короткие волосы торчат и кажутся встрепанными. Цвета они были странного, серо-коричневого, словно по некогда каштановым прядям пролегла седина, зато идеально сочетались с глазами, тоже темно-серыми. Вид у молодого человека был располагающий – не врали коллеги, симпатичным оказался, зараза, – но вместе с тем нагловатый. Последнее более чем доказывали широченная ухмылка, самодовольный прищур и вальяжная походка, будто ему здесь дозволено все.

Впрочем, судя по восторгам наших дам, так оно и было. Дозволено все.

– Стас, хочешь чая с конфетками? – Это Ленка, ей двадцать пять, и она самый ярый фанат Соломинцева. – Чай ты такой точно еще не пробовал, только начали привозить в нашу чайную, аромат невероятный... – с придыханием закончила она.

Я усмехнулась, не отрываясь от важных размышлений насчет материнской платы. Несмотря на одержимость мужиками, коллегой Ленка была хорошей – отзывчивой, не привыкшей сплетничать. И конфетами всегда делилась...

– С радостью, спасибо, Леночка, – послышался ответ Соломинцева.

Ленка едва не расплылась от радости и кинулась ставить электрочайник; пока он закипал, девушка активно сгребала со своего стола наброски, чтобы освободить хоть немного места для чаепития. Скучная мужская часть коллектива проводила ее скептическими взглядами – для наших мужчин метания Лены были абсолютно нелогичны. Соломинцев, к счастью, не интересовал их ни в каком плане.

– И что же у вас случилось? – поинтересовался молодой человек, оглядывая помещение и останавливаясь на мне как на единственной подозрительной личности. – О, новенькая! – Он прищурился. – Это у тебя поломка?

В первые минуты знакомства Стас показался вполне нормальным и интересным парнем, несколько показушником, но милым. Симпатичная мордашка сделала свое дело, я даже почти поняла, почему все носятся с ним как с писаной торбой. В этом своем дурацком костюме Соломинцев был таким располагающим и очаровательным, даже меня проняло.

– Д-да, у меня... – немного стушевавшись, отозвалась я.

– Надо же, новенькая, а уже сумела комп спалить. Находчивая, однако! – перебил Стас.

Услышав это заявление, я аж вскочила и буквально задохнулась от возмущения. Даже с ответом не сразу нашлась.

– Да тут... – выдавила я наконец. – Да я-то и не виновата, это компьютеры уже древней поповой собаки! Сгорела ма-

теринка, а она старого образца, сколько лет назад такие выпускались? Десять? Такую точно не купить, ее или в утиль или перепаява...

Соломинцев оборвал меня резким взмахом руки, подошел почти вплотную, кинул взгляд на снятую с системного блока крышку и открывшиеся «внутренности». Потом поднял глаза на меня и вдруг заржал в голос.

– О-ой, насмешила, – некоторое время спустя, отсмеявшись, сообщил парень. – Ты лучше занимайся своими делами и даже не переживай из-за этого. Не стоит дилетанту, подучившемуся на паре домашних компьютеров, лезть к сложным задачам, оставь это профессионалу!

Д-дилетант? Это я-то?

Стас присел рядом с системником, поставил крышку на место, а потом, отсоединив провода, легко заграбастал эту махину под мышку и пошел к выходу. Остановился в дверях, обернулся и бросил напоследок:

– Ленок, сейчас эту рухлядь утащу и вернусь попить чайку. – Затем он взглянул на меня, добавляя: – Не парься, новенькая, все будет решено в лучшем виде. – Он постоял на пороге еще немного, не сводя с меня глаз. – Слушай, а какой у тебя рост? Низенькая такая по сравнению со всеми, забавная. Малышка, кнопка... Пигалица! Точно, буду звать тебя Пигалицей!

И Стас смылся с довольной улыбкой, оставив меня в бешенстве сжимать кулаки и мечтать со всей силы пройтись по

его наглой морде. Очарование как рукой сняло. Вот же... засранец. Он ведь даже слушать не захотел, хотя я дельные вещи говорила! Поиздевался, обозвал, и все это – за пять минут! Пигалица? Дилетантка... это я-то? Да я у декана лучшей была в потоке, любимицей, единственной девчонкой, с которой он соглашался в «Контру» играть...

Ну, Соломинцев, ну скотина! И вообще, у меня средний для девушки рост – метр шестьдесят пять. Та же Ленка всего на пару сантиметров выше, но «забавной» кличкой не разжилась. А я за какие заслуги получила такую честь? И вообще, это не я маленькая, а сам Стас излишне вымахал. Кто просил становиться настоящей ходячей телевышкой, а потом оценивать всех и вся с высоты своего роста?

Прозвище в голове парня, вернувшегося всего через пару минут, укоренилось и стало незыблемым. Он махнул рукой пышущей злобой мне, сидящей за запасным компьютером, и направился распивать чай с Леной и остальными девочками. Я к ним, несмотря на уговоры, не присоединилась – понимала, что сейчас приближаться к Соломинцеву нельзя, а то действительно вопьюсь когтями в лицо. Ничего, Стасик, знай, я злопамятная! Вернее, память-то у меня плохая, девичья, но *такие* пакости помню.

К счастью, та неоднозначная встреча была единственной. Слышала я о Стасе часто – Лена постоянно бегала подкармливать программистов сладостями и салатиками и приносила свежие новости, – но больше я его не видела. До сего-

дняшнего дня.

И вот теперь «лапочка Соломинцев» стоял рядом и все так же нагло ухмылялся от уха до уха. Надо отдать ему должное – на этот раз хоть не казался психом, сбежавшим с автомонтажки, а подался в «солдаты», напялил обтягивающую черную майку и камуфляжные штаны с кучей ремней. Не назовешь официальной одеждой, но уже лучше. Повязка с головы тоже исчезла, зато появилась тонкая черная резиночка, стягивающая волосы на макушке в забавный хвостик.

– В прошлый раз я ничего не палила, материнка сгорела от старости, – флегматично ответила я, рассматривая маникюр, чтобы как-то скрыть злость.

Однако ногти тоже не радовали. Маникюром я всегда занималась сама, но уже четвертый день о нем не вспоминала. В итоге насыщенный бордовый лак местами облупился, а на одном из ногтей образовался скол. Красотка, ничего не скажешь.

– А кто тебя знает? – Стас усмехнулся и присел на свободный стул рядом со мной, ставя чашку чая прямо поверх старых рисунков.

– Не поверишь, Соломинцев. Я себя знаю, – проворчала я, переводя взгляд обратно на набросок и проводя очередную небрежную карандашную линию. Волосы штриховать было не обязательно, даже не стоило, потому что так я потом дико путаюсь с контурами, но раздражение брало свое.

– Дааа... – неизвестно из-за чего заржал он. – А ты забав-

ная! Кстати, что мы как неродные? Можешь звать меня Ста-асом!

Протянув это, он подпер щеку ладонью и подался вперед, практически ложась на стол.

– По фамилии как-то... неласково. – Улыбался он как-то подозрительно.

Вот-вот, именно «Ста-асом» я тебя звать и буду, а еще лучше «Ста-асиком», так звучит ехиднее. А еще со вторым вариантом рифмуется столько приятных ругательств, которыми можно осыпать тебя мысленно. Ах, просто рай!

К слову, он ведь не может не замечать, как дико меня бесит. Зачем тогда лезет? Лишний раз позлить? Неужели нельзя просто не трогать спокойно работающую девушку? Прошел бы мимо, попил чайку с девочками, готовыми скакать вокруг, как кузнечики, и вернулся бы в свой отдел, не тревожа мой покой.

– А нужно ласково? – ошетибилась я.

– Хотелось бы, Пигалица. Никогда не думала, что ты слишком ядовитая?

Когда я уже хотела огрызнуться, что это Стас – наглая дылда, а не я – ядовитая пигалица, одновременно случились две вещи: телефон на столе призывно пиликнул, оповещая о сообщении, и от дверей послышалось ехидное:

– Эй, лапуся Соломинцев.

Мгновенно позабыв обо мне, Стас вскинулся и обернулся.

– Ты тут прозябаешь вместо того, чтобы работать? – про-

должал голос.

Я тоже подрастеряла запал, с любопытством рассматривая молодого человека, так непочтительно обращающегося с «лапочкой Соломинцевым». Сперва в дверях торчала лишь встрепанная блондинистая голова, потом появился и ее обладатель, окидывая Стаса веселым взглядом поверх очков.

– Здесь я, Ромыч, здесь. Чай гоняю. – Соломинцев покивал, подхватил с моего стола чашку и направился к молодому человеку. Оказавшись рядом, Стас легонько потрепал того по макушке. Блондин зашипел, словно разгневанный кот.

– Они милашки, правда? – схватила за меня Светка, еще одна поклонница Стаса, но не такая бешеная.

– Ну, так... – пробормотала я, не желая обижать коллегу. – Это кто?

Света округлила глаза, недоверчиво качая головой. Я скептически поджала губы.

– Невежда ты наша, совсем в работе потерялась, – наконец сочувственно вздохнула она. – Не зря внучка шефа. Это Рома Марков, лучший друг Стаса, они раньше всегда вместе заходили.

– Еще один «лапочка»? – подколола я, но Света ехидства не заметила.

– Именно. Видишь, даже ты заметила!

Да-а, даже я. Получается, вот этот блондин – его лучший друг? А ведь паренек выше меня сантиметров на пять максимум. И он не малыш, а я – пигалица? В душе неприят-

но заскреблась какая-то сверхъестественная обида. А Роман в это время как раз принялся отбиваться от Стаса. Мне пришлось максимально сосредоточиться, чтобы расслышать их перепалку.

– Руки не распускаяй, извращенец! – рыкнул он. – А то чуб вместе с резинкой повыдеру.

– Не дотянешься. – Соломинцев едва ли устрасился, но ладонь с макушки друга все же убрал. – Чего пришел-то?

– Тебя позвать, – отозвался Роман, складывая руки на груди. – Обед давно закончился, ребята с ума сходят, хотят протестировать скрипты...

– А без меня?

Рома многозначительно кашлянул и возвел глаза к потолку. Ясно. Кем бы Соломинцев ни был среди них, без него не справиться никак. Ну и слава богу! Чем меньше он будет находиться в нашем офисе, тем лучше. Но разговор у них конечно, чудесный получился. Содержательный такой, интересный.

– Черт, вы идете или как? – в дверь просунулась очередная голова, на этот раз темноволосая и коротко стриженная. – Грей, у меня слов нет, ты чего застрял? Сегодня первый полноценный тест, а он в малиннике сидит...

Малочисленные мужчины нашего коллектива хмуро переглянулись при слове «малинник». Соломинцев поморщился, видимо, признавая правоту брюнета.

– Да идем мы, идем, – хмуро отозвался Рома, в мгновение

ока ухватил Стаса за майку и утащил прочь.

Выглядело комично: Марков макушкой едва доставал до плеча Стаса, но тащил его с уверенностью тарана, а Соломинцев понуро брел следом, что-то виновато возвещая коллегам. Я даже специально вскочила, чтобы подольше понаблюдать: сделала вид, что собираюсь закрыть дверь, и только когда три программиста скрылись за углом, поняла, что упустила нечто важное...

– Секундочку, Светка, а кого это он Греем назвал? – подозрительно поинтересовалась я у соседки.

Та в ответ уставилась на меня, как на идиотку.

– Да, Энжи, ты точно заработалась. Ты чем нас слушала? Грей – кличка Стасика, – поняв, что я не отступлю, отозвалась Света.

А у меня перед глазами сразу встал любимый с детства кадр: спокойное море, рассвет, одинокая девушка на пляже и корабль с алыми парусами. Я всегда хотела сказки, как у Ассоль.

*«В той бухте, где отважный Грей нашел свою Ассоль,
В той бухте, где Ассоль дождалась Грея...»*

Нет-нет-нет, Соломинцев не мог украсть имя моего любимого сказочного персонажа! Это неправильно! Только не он...

– Какого черта? С чего вдруг? – Стиснув зубы, я стукнула

кулаком по столу.

– Как в пятидесяти оттенках... – мечтательно выдала Светка. – Grey – серый, а у Стаса серые глаза и волосы.

М-да, приехали... Ангелина, милая, солнышко, забудь об этом, забудь. Совсем не сексуальный Грей из «Пятидесяти оттенков...» точно не может осквернить имя любимого персонажа. Настоящий Грей приплывет под алыми парусами...

Я разблокировала телефон, читая всплывшее сообщение.

Simon

Саймон говорит: сегодня ты обязана хорошо провести день.

13:48

...или, в крайнем случае, спрячется под алым зонтом.

Глава 3

С детства мне нравилась сказка «Алые паруса» – немного жестокая, капельку нелогичная, как и все остальные сказки, но такая притягательная. Правда, когда мне было лет пять и дочь соседки, так называемая старшая подруга, читала эту историю вслух, сказка вовсе не казалась жестокой. Малышка Ангелина влюбилась в прекрасного Грея, который ради Асоль приплыл на корабле с алыми парусами. Я даже решила, что и сама дождусь принца... Но в Сибири корабля не найти.

Я все равно верила в сказки и мечтала найти своего Грея, чтобы он увез меня далеко-далеко, а после мы жили долго и счастливо. Маленькая девочка рисовала тайком под одеялом корабли, отчего потом все простыни были заляпаны красным маркером. Но постепенно детские мечты подзабылись. Взрослая Энжи просто вздыхает и любуется на море, смотрит вдаль, наслаждается неистовством волн... и в такие моменты этот город кажется лучшим местом на свете. Что бы ни случилось, желание попасть в сказку не отпускает меня, хоть и борется с пониманием: чудес не бывает.

Я почти никому не рассказывала об этих мечтах, кроме Катюши.

– Нравится хоть что-нибудь из набросков? – уныло протянула я, пялясь на центральный фонтан, который еще не выключили, хотя курортный сезон закончился.

Сегодня у меня не было настроения мечтать, и мы пошли на площадь, а не на набережную. А все почему? Где-то в глубине души я все равно ждала Грея... а этот болван Стас отбросил тень на такую прекрасную сказку! Даже здесь «лапочка» подложил мне свинью.

– Из героинь вот эта получилась очень милой. – Подруга ткнула пальцем в последний, тот самый штрихованный набросок, что я мучила в присутствии Стаса. – А если о сценах... По-моему, третий вариант бардака на первой локации выглядит симпатичней.

– Тьфу ты, да там же в принципе расположение и прорисовка разная, – я покачала головой. – И действия в итоге будут другими.

– Я и говорю, здесь она симпатичней. – Катюша рассмеялась, кидая на меня быстрый взгляд. – Так... Энжи, милая, ты какая-то слишком грустная.

– Все-то ты видишь. Не то чтобы грустная, просто... тупость такая на работе происходит. – Я закрыла лицо руками. – Меня из колеи выбивает.

Катя молчала, ожидая, когда я продолжу. Она знала, что словоизлияние обязательно будет, нужно только дать время. Из нас двоих я единственная, кто всегда любил изливать душу.

Еще тогда, в начале лета, после разговора с «парнем с зонтом», в голове четко уложилось одно: Катюша – тот самый маяк, солнышко, ради которого я решилась все-таки пере-

ехать и не цеплялась руками и ногами за дверные косяки за-
ложенной квартиры. Сколько лет мы с Катей общались в се-
ти? Десять? Двенадцать? Всю жизнь? Казалось, очень долго,
но на самом деле в этом году будет шесть. Не мало, но и не
бесконечность. Мы прикипели, привязались. Шесть лет по-
чти без встреч, лишь в редкие поездки к дедушке с бабуш-
кой нам удавалось пересечься. Я всегда хотела, чтобы подру-
га была рядом, а получилось это только после огромной жиз-
ненной неурядицы. Зато теперь моя красотка-Катюша сиде-
ла рядом на лавке и разглядывала наброски.

Подруга на несколько лет меня старше, она давно закон-
чила институт и теперь работает экономистом в небольшой
фирме. И несмотря на разные профессии, мы очень похожи
внутренне. Мы словно сестры – прекрасно понимаем друг
друга. Кровь, конечно, не водица, но в нашем случае и вода
может объединить на века. Когда расстояние стало меньше,
мы успокоились, я перестала иногда расстраиваться, что не
нужна ей. Как не нужна? Вот ведь, сидит! Специально нахо-
дим друг для друга время по вечерам, хотя дел невпроворот.
Потому что иначе – никак, потому что дружба тоже требует
сил и вложений.

Тонкая рука ободряюще легла на плечо. Я улыбнулась,
принимая этот спокойный жест.

– Ничего серьезного, правда, – продолжила я наконец. –
Просто среди программистов есть один «прекрасный» моло-
дой человек, с которым мы сразу не поладили...

– Это тот, что «дылда»?

– Он самый, – кивнула я. – Когда мы познакомились, он смог меня выбесить всего за пять минут. А сегодня с утра вновь объявился, расфуфыренный такой, самый крутой типа.

– Опять что-то ляпнул? – Это прозвучало сочувственно, хотя непонятно, кому Катюша больше соболезновала, мне или Соломинцеву.

– Если бы... – я досадливо поморщилась. – Ляпнул он все то же. Дискриминация по росту и специальности, ничего нового. Зато он сказку испортил, буквально мечту сломал...

Подруга многозначительно молчала, я же делала паузу для трагизма – где-то в душе явно умирала актриса, выпуская последний ультразвуковой писк.

– Он – Грей! – ляпнула я и только потом поняла, как преподнесла информацию.

Катя смотрела ошеломленно, по-совиному хлопая большими карими глазами. Я мгновенно замахала руками, зачистив:

– Нет-нет-нет, не в том смысле! Не так выразилась!

– А что ты тогда имела в виду? – сурово и даже как-то излишне серьезно поинтересовалась Катюша. Она действительно решила, будто в Соломинцеве я нашла своего принца? Ну уж нет!

– Эй, – рассмеялась я, – ни о каких кораблях не может быть и речи. Стас гад, и это уже не исправишь. К тому же,

кроме тебя, никто не знает о моей маленькой старинной мечте.

– Так уж и никто, – протянула подруга, задумчиво возведя глазки к небу. – А помнишь, у тебя где-то на Дайри было упоминание?

– Ага, конечно. На сайте, где я не появлялась уже года два, в открытом только для избранных посте? – Я поджала губы. – Это тайна, и ее я не разглашаю!

Увы, такие глупости в принципе разглашать не положено. Если на работе узнают, что я до сих пор втайне верю в сказки, засмеют. У нас девочки хоть и мечтательные, но живут всецело в реальном мире.

– А может, он и есть избранный? – усмехнулась Катюша.

– Размечталась... – фыркнула я, представив, что Стас вдруг затесался среди моих постоянных читателей на сайте. Фу, какая нелепость.

– Так почему тогда Грей? – после непродолжительного молчания вернулась к теме разговора подруга.

– Потому что... потому что... – Я не могла подобрать слов. – Он сказку испортил!

Катя уныло взирала на меня, ожидая продолжения. Понимаю, она пока не увидела никакой трагедии, а лишь терпеливо принимала мое помешательство.

– Все зовут его Грей, – добавила я, разясняя, наконец, причину страданий. – Никаких параллелей со сказкой, просто глаза у него серые и волосы...

Я перевела взгляд на Катюшу, которая едва держалась, чтоб не захохотать, и раздраженно махнула рукой, разрешая не мучиться. По безлюдной улице сразу разнесся звонкий смех, а мне... мне почему-то было обидно.

– Здравствуй, «больной ублюдок»? – Катя мгновенно поняла ассоциации моих коллег. – Да ладно тебе, Энж, что такого плохого сделал этот «сексуальный самец», заслуживший звание главного киноизвращенца мира? – поинтересовалась она, отсмеявшись. – Он же не виноват, что лично для тебя имя Грей ассоциируется со сказкой, а не с... ну...

Я еще сильнее оскорбилась, поджимая губы, и возмущенно выдала:

– Ты просто не представляешь, какой он монстр!

– Если прикинуть, сколько ты в прошлый раз распалаясь, называя его местным монстром... представляю. Уже составила примерный портрет.

– Не-не, я тебе его нарисую, – пообещала я, предвкушая скорое развлечение.

Однако на самом деле приступить к запланированному получилось не так уж и быстро: ближе к ночи, вернувшись домой, я заперлась в комнате и вновь занялась набросками, а все утро проторчала в кабинете деда вместе с автором истории, новой творческой звездой легких игр компании – Ниной Афанасьевой. Она действительно была гением захватывающих историй. Скромная хрупкая брюнетка лет тридцати с пронизывающим взглядом синих глаз, казалось, видит

тебя насквозь и во время разговора успевает разложить на составляющие для будущего персонажа, – если, конечно, ты окажешься достаточно интересным. Иначе взята будет только часть составляющих, остальное отправится в утиль. Не самая приятная перспектива.

Так что чистый лист для «великого портрета» Соломинцева я достала лишь в обеденный перерыв. Разложила перед собой запасенные в тумбочке цветные карандаши, а потом, подумав, добавила маркеры и пару простых карандашей – а то как же, сразу в цвете, без наброска? А вдруг обделю Стаса, обидится еще.

Что ж, начнем!

Первым делом я нарисовала большое вытянутое лицо, добавила два идеально круглых выпученных глаза, над ними расположила брови и торчащие волосы. Прикрыла глаза, вспоминая, чем же примечательно лицо Соломинцева, представляя перед внутренним взором не уже наполовину готовую карикатуру, а оригинал. Волосы есть, глаза получились большеваты... Точно! Идеально прямой нос Стаса на рисунке вышел слишком длинным и острым, но все равно узнаваемым, а передние зубы слегка выступали. Ладно, не страшно, я ведь не на конкурс это отправлять собираюсь, для души рисую. Закончив с наброском, я взялась за маркеры – добавила серого в глаза и волосы, потом немного коричневого, чтобы любой точно смог узнать в «красавце» с портрета Стаса...

В итоге Соломинцев у меня получился одновременно смешным и пугающим. Катя, которой я послала отсканированное изображение, сразу же перезвонила и почти полчаса довольно хихикала, комментируя особо привлекательные черты нарисованного Стасика и утверждая, что таким его и представляла. А я, чем дольше смотрела на рисунок, тем отчетливей понимала: даже на карикатуре Соломинцев симпатичный. Что за дела?

Когда Катюша отключилась, я, немного подумав, на чистом участке бумаги подписала: *«Разыскивается! Мужчина в возрасте 20-25 лет. Высокого роста. Волосы: серо-каштановые. Глаза: темно-серые. Кожа: смуглая. Характер: мерзкий. Увидевшим просьба сообщить художникам, 2-й этаж, последняя дверь налево».*

Любовно разглаженный лист был водружен на самое почетное место доски объявлений – в центре. Как раз под ним висела сложенная в несколько раз, чисто отстиранная половая тряпка с дурацкой надписью на ней желтым маркером: «ТряПочка =)». Лесенкой, чтоб ее. Кто до сих пор помнит, как и зачем писать *лесенкой*? Судя по рассказам девочек, настолько застрял в прошлом именно Соломинцев. Тряпка долго валялась где-то за столами, пока парень случайно ее не нашел, не отстирал и не пристроил вот таким образом.

Я немного постояла перед творением рук своих, наслаждаясь прекрасным видом, потом кое-как смогла отлепиться от стенда и направилась к своему месту. Но не тут-то бы-

ло... девочки ожили почти мгновенно, стоило им завидеть рисунок.

– Энжи, кого это ты там изобразила? – приторно сладко протянула Светка.

Я мысленно прикинула, убьют ли обожающие Стасика коллеги за честный ответ или оставят жить, и все же решила сдаться с поличным.

– Соломинцева, – выдохнула я. – Но он сам напросился.

Ответ встретили задумчивой тишиной и подозрительными взглядами на художество. Светка подскочила к доске, чтобы поближе изучить рисунок; Лена ахнула, прикрывая рот ладошками, и покачала головой. А потом...

– Блин, а похож ведь, – захихикала Света.

– Похож, не то слово похож! – поддакнул кто-то из старшего поколения. – Ха-ха, вот же...

Даже Лена встала с места, помялась немного у стенда и вздохнула, соглашаясь.

– Не отрицаю, Стасик... как есть.

В итоге смеялись все. Хотя для наших девочек Стасик непоколебимо оставался «лапочкой Соломинцевым», такой легкий стеб над ним восприняли на ура. Карикатуру, тихонько посмеиваясь, обсуждали почти весь день, а мужская часть коллектива даже знакомых из других отделов приводила, чтобы продемонстрировать творческий полет моей фантазии. От такого внимания даже работалось как-то легче и воодушевленной, так что к вечеру мне удалось добиться от Ни-

ны согласия окончательно выбрать нескольких локаций.

Рисунок спокойно провисел на стенде пару-тройку дней, радуя своим видом и новоприбывших, и постоянных жильцов. А потом на пороге нашего отдела появился Стасик Соломинцев собственной персоной с Ромой на прицепе...

Мальчики охотно согласились попить чая со сладким – то ли с конфетами, то ли с шоколадкой, то ли со всем сразу, я не слышала, что там им предложили, – болтали без умолку, развлекая наших дам и нервируя мужчин. В общем, наслаждались посещением отдела художников. Я старалась уйти в рисование с головой, не обращая внимания на Стаса с дружкой и на активные попытки Соломинцева «привлечь внимание Пигалицы», но все же то и дело проверяла, что они там делают. Как оказалось, не зря. В один прекрасный момент Марков принялся бродить по помещению, разглядывая украшающие стены рисунки – думаю, в любых дизайнерских или художественных конторах такая практика не редкость, многие развешивают наброски, чтобы получше их оценить и заметить ошибки. Только у нас обычные арты висят на стенах, а самое важное всегда попадает на доску объявлений. К ней-то медленно, но верно и приближался Роман.

– О, а это что за красавец? – ехидно протянул он, внимательно изучив карикатуру.

По выражению лица ясно было, что Марков сообразил, кто же этот «красавец», и пожелал привлечь внимание друга. Статик купился почти мгновенно, подошел, подозрительно

посмотрел на рисунок. Интересно, а он себя узнал или настолько слеп и невнимателен, насколько я предполагаю?

– А это у нас Стаса нарисовали, – довольно отозвался кто-то из мужского коллектива, и все девочки сразу же испуганно повернули к нему головы.

Соломинцев не повел и бровью. Не повернулся, не попытался что-то возразить. Он продолжал молча сверлить взглядом лист бумаги. На несколько секунд в помещении воцарилась тишина, но ее разрушил звонкий хохот Ромки:

– Блин, Соломинцев, а ведь ты! А ведь похож! Ах-хах, краса-авец...

– Ну, чем-то похож, – согласился он. – А кто автор? – Это уже было обращение ко всем.

Стас казался невозмутимым, но я-то видела вокруг него черную ауру! Она протягивала щупальца, окутывала нас, проверяла, ища жертву, чтобы задушить в своих мрачных объятиях... я зажмурилась в ожидании худшего. Девочки, милые, не говорите ему, не говорите! Шкуру же живьем спустит...

– Прохорова вроде бы, – все же послышалось робкое восклицание одной из самых юных и явно надеющихся на взаимность поклонниц лапочки Соломинцева.

– Да, она, – добавили с другой стороны более уверенно. Та-ак, спасибо, дорогие! Оставалось надеяться, что Стасик не знает, как зовут директора фирмы и то, что я его внука. Мало ли, разные бывают в жизни совпадения, а паль-

цем-то на меня, надеюсь, не покажут.

– Ага, это точно Энжи... – виновато прозвучало совсем рядом.

Я приоткрыла глаза, кидая недовольный взгляд на Светку. Сдала, зараза, и ведь на самом деле пальцем показала. Ну, Светка, от тебя не ожидала. Что за люди у нас водятся, я же с благими намерениями рисовала, посмешить хотела... Ладно, не с благими, а мстя Соломинцеву, но ведь рисунок в этом не виноват, он всем понравился, да и сходство налицо.

Света смотрела в ответ взглядом несчастного котика и разводила руками, словно говоря: «Прости, но это ведь лапочка Соломинцев. Как я могла промолчать?»

– Ааа, так это ты, Пигалица! – прозвучало как-то удивительно довольно и даже оживленно, я отвлеклась от Светки и шокированно воззрилась на Стаса. – А чего молчишь? Как неродная, честное слово. И нарисовала так, будто вообще меня не знаешь.

А я и не знаю тебя, Стасик. Знаю лишь то, что за две – уже три – встречи ты выбесил меня до зубовного скрежета и зачем-то продолжаешь это делать. Не все обязаны тебя любить, понимаешь? Так оставь в покое человека и не трогай лишний раз его... и его карикатуру на тебя.

Но Соломинцев широченно улыбнулся и стащил с соседнего стола тонкий серый фломастер.

– С кулоном я никогда не расстаюсь.

И прямо на моей прекрасной карикатуре он подрисовал

цепочку с небольшой подвеской в виде кобры, задумчиво присмотрелся к результату и, взяв теперь зеленую гелевую ручку с другого стола, добавил змеюке глазки.

– Вот теперь прекрасно!

Я сидела молча, не зная, что сказать. Эмоций не было никаких: ни удивления, ни клокочущей ярости. Лишь пустота и ярко-зеленые глаза змеи, нарисованные на листе ручкой с блестками, заглядывающие куда-то в душу. Стоило ли возмутиться или лучше не бесить Соломинцева, раз он так прекрасно принял мою работу? Но вместо меня, разряжая обстановку, голос подал Марков.

– Слушай, лапуся Соломинцев, а это чье творение? – Ромка ткнул пальцем в тряпку.

– Мое, – признался Стас. – Она тут валялась-валялась, а я подобрал, выстирал, подписал любовно... Видишь, даже повесили.

– Ну это они хорошо повесили. Ровненько, близко, – усмехнулся Марков. – Прямо про тебя.

За этими словами последовал взрыв безудержного хохота. Сначала Стас просто хлопал глазами, смотря на друга, потом на лице начало проступать понимание: его только что оскорбили.

– Чего? – Теперь голос Соломинцева звучал хмуро. – Я – тряпка?

– Ну не зна-аю... Поспоришь?

Марков веселился, но был в его взгляде вроде бы... вы-

зов? Я окончательно перестала что-либо понимать. Что случилось? Почему низенький Рома выглядит сейчас большим боссом, а на лице Стаса читается досада и даже обида...

– Давай-ка поговорим? – пробормотал он. Я не слышала слов, но словно прочитала их по губам.

Соломинцев не злился, не пытался схватить друга за кофту, как в прошлый раз делал сам Рома, – он лишь легко взял Маркова за запястье, утягивая в коридор. У меня почему-то кольнуло сердце, сразу захотелось написать Катюше. Стас вел себя так мягко, относился так бережно, как делает только настоящий друг, который, даже когда ты виноват, не кинется бить морду.

Я улыбнулась, отворачиваясь, а парень, стащивший имя у моего любимого персонажа, внезапно стал казаться чуточку привлекательней. Интересно, кто в их с Ромой компании больше дорожит дружбой?

Глава 4

Теперь Соломинцев повадился приходить к нам практически каждый день. Он подолгу стоял у рисунка и глотал горячий чай из маленькой прозрачной чашки. Предыдущий стакан, предназначенный специально для Соломинцева, случайно кто-то разбил, а в запасе имелся только вот этот красивый, но чертовски неудобный набор для гостей. И пока Стас любовался моим творением, я порой разглядывала его, подмечая отсутствующие на карикатуре детали: пару родинок у виска, хмурю складку меж бровей... а еще переписывалась в это время с Катюшей и рассуждала о дружбе.

Вот вроде бы Стас гад – разве хорошие парни выдумывают клички малознакомым девушкам? – а другом дорожит, видно невооруженным глазом. И я это не по одному-единственному поступку поняла, просто... стоит Соломинцев, рассматривает пародию на самого себя, а я ведь понимаю, что не из-за автора рисунка любитесь, а потому, что Рома карикатуру оценил. Или его так задело сравнение с тряпкой?

Я, как порядочный человек, его не трогала, до-олго не трогала, подавала пример хорошего поведения. Но в один ужасный день почти неделю спустя Стас сам решил «потрогать» меня.

– Эй, Пигалица, а тебе самой-то рисунок нравится? – поинтересовался он, подходя к моему столу и присаживаясь на

соседний стул.

В руках была неизменная чашка. Такими темпами скоро при мысли о Соломинцеве я буду вспоминать об очередном Леночкином экзотическом чае. Волосы Стас вновь собрал в хвостик, зато оделся почти нормально: черная рубаша и голубые джинсы. Правда, вид расхристанный. Рукава рубашки закатаны до локтя, несколько верхних пуговиц расстегнуто, а дыры на джинсах огромные. Но к этому я почти привыкла...

Прежде чем ответить, я долго всматривалась в лицо Стаса, стараясь понять, ухмыляется он или улыбается. Так и не придя к выводам, но внутренне кипя от очередной «пигалицы» в свой адрес, я не особо дружелюбно заявила:

– Нравится, неплохая работа вышла. Но теперь понимаю, что не самая похожая.

– Почему это? – Теперь Соломинцев точно улыбнулся. А потом протянул руку и потрепал меня по макушке, испортив и так еле держащуюся укладку.

Я глубоко вздохнула. Не злись, Энжи, не злись. Все нормально. Омм... Но никакой аутотренинг не помогал. Нет, не нормально, он ведет себя со мной, как с питомцем. То пигалица, то... Соломинцев, ты нарываешься или как? Доконал!

– Сейчас покажу!

– Даже так? Хорошо, как скажешь.

Я хмуро покивала в ответ, залезла в ящик стола и долго копалась там в поисках красного маркера, а потом напра-

вилась прямым к доске объявлений. Стас проследовал за мной, с каким-то наигранным любопытством наблюдая за каждым действием. Невольно я усмехнулась. Ничего, сейчас твое любопытство, Стасик, перерастет в искреннее удивление. Узнаешь, как наивным – и не особо – верящим в чудеса девочкам сказку портить! И настроение.

Я стянула с маркера крышку и, примерившись, подрисовала и так жуткому портрету рога, как у черта. Сразу же оглянулась, ожидая реакции Соломинцева, но удивления не было. Он лишь покачал головой, бормоча что-то себе под нос, а потом вновь потрепал меня по макушке. Я что, домашний любимец?! На меня будто ушат ледяной воды вылили. С-секундочку, что это за?..

Я нервно ощерилась, отстраняясь. В висках глухо стучало. – И все же не похож. Даже так, – пожал плечами Соломинцев.

– Почему это? – я нахмурилась. – Как по мне, очень даже. Господи, почему так хочется съязвить побольнее? Это неправильно, мне не за что так уж ненавидеть Соломинцева. Обычный парень, довольно мирный. Стоит просто жить спокойно, но...

– Ну ты и наглющая! – рассмеялся Стас, и раздражение вновь заклокотало в груди. – Есть желтый маркер или карандаш?

Я поджала губы, поддаваясь недовольству и делая заметку, что этому паршивцу нужно будет еще отомстить за пор-

чу прически. Может, подпрыгнуть и отчикать ножницами чуб? Я изучающее поглядела на Стаса, прикидывая, смогу ли дотянуться – раз, зачем ему желтый – два. Так и не решив ни один из вопросов, я все же предоставила Стасу маркер из личных запасов – правда, пришлось вновь обшарить весь стол, но это уже детали. Соломинцев вцепился в маркер, как голодающий в кусок хлеба – крепко и двумя руками, будто показывая, что никому не отдаст. Не страшно, у меня еще есть.

Все девочки-коллеги с завистью наблюдали за нами, Лена со Светкой чуть локти не кусали, готовые в любую минуту кинуться на подмогу. Не мне, Стасику. Вдруг злая, страшная и ужасная я его съем? Или что похуже? Я же внучка директора и владельца компании Прохорова Степана Аркадьевича, которого многие боятся как огня. Нужен мне их Стас... Пусть не переживают, на этого великана я не претендую.

Тем временем Соломинцев замер у доски. Так он постоял немного, потом задумчиво взъерошил волосы, обретая прекрасное сходство с портретом, и подрисовал смявшийся нимб, застрявший между рогами. Я шокированно уставилась на творение.

– Ну как? Теперь гораздо большее сходство, что скажешь? – Он весело стрельнул глазами в мою сторону.

Я промолчала: не представляла, что можно ответить. Если честно, шутка Стаса меня порадовала, я даже прониклась, вспомнив, что коллеги частенько повторяли, будто у лапочки

Соломинцева отличное чувство юмора. Согласна, отличное. Тоже демонический ангелок нашелся, с меня пример берет?

– Ну, чем-то похоже, хотя не знаю... – Я улыбнулась, не в силах сдержаться.

– Не знаешь? – Стас просиял, ближе подходя ко мне, и мгновенно испортил впечатление: – Хм, конечно. Настоящий ведь гораздо лучше?

Я закашлялась. Оу, полегче, герой. Самоуверенность так и прет!

– Думаешь?

– Не думаю, знаю. – Соломинцев навис надо мной, пользуясь замешательством, и добавил шепотом: – И, кажется, знаю, что одна маленькая девочка взялась рисовать карикатуры именно потому, что это заметила.

Он слегка наклонился, вручил мне желтый маркер и самодовольно ухмыльнулся. А я, как назло, слишком запоздало поняла сказанное. «Это» заметила? В смысле, то, что настоящий Стас лучше рисованного? Он имеет в виду, что я...

– Соломинцев, ты наивно полагаешь, что я пала пред твоим очарованием? – выдавила я в ответ. Голос дрожал, выдавая недовольство.

Успокойся, Энж! Он всего лишь хамоватый Местный Монстр, на которого не стоит обращать внимание. Он настолько неуверен в себе, что пытается выкрутиться за чужой счет. Ты ведь понимаешь это, правда? На Соломинцева нельзя злиться просто потому, что он шут. Он не оскорблял тебя

ничем, кроме глупой клички.

Но Стас нагло ухмыльнулся, наклоняясь к самому моему лицу, и... тихонько дунул мне на нос.

– Я уверен в этом.

И я взорвалась.

– Если ты, Ста-асик, – протянула я, еле сдерживаясь, – не можешь отличить симпатию от раздражения, мне тебя жаль. Так вот запомни, ты у меня вызываешь исключительно раздражение. Возможно, со временем оно превратится в ненависть. А все остальное достается моему парню.

Ляпнула и тут же прикусила язык. Ой, ду-ура. Парню, да? Это какому же? Надо же так завраться. Надеюсь, коллеги этой тирады не слышали. Я обернулась. Взгляды всех девочек устремились на нас, уши-локаторы ловили любой шорох.

– Неужели он есть? У Пигалицы? – Соломинцев смотрел хмуро.

Ступив на сцену, играй роль до конца. Я решительно поджала губы.

– Есть!

Он отступил. Оправил рубашку, еще раз изучающе посмотрел на карикатуру, словно ища у нее ответа. Ангело-демонический Соломинцев молчал – он помочь своему оригиналу ничем не мог. Но когда я уже собиралась уходить, гордо унося свою маленькую ложь, Стас положил ладонь мне на макушку, вновь ероша волосы, и поинтересовался:

– А что это меняет?

Он махнул всем на прощание и сбежал, только дверь едва слышно щелкнула, закрываясь. Я еще какое-то время хмуро сверлила ее взглядом, слушая заинтересованные шепотки девочек. Станный он, этот Соломинцев. Иногда вполне терпимый, иногда – я потрогала растрепанные волосы, превратившиеся в воронье гнездо – невыносимый. Что он имел в виду? Не меняет чего? Того, что он меня раздражает? Или того, что я, по мнению самого Стаса, «покорена его очарованием»? Подозреваю, именно второе.

Невеселые мысли не отпускали еще несколько часов. По привычке я ожидала, что после «обострения» на пару дней опять воцарится тишина. Так случалось после каждого очередного приступа разговорчивости Соломинцева: он показывал себя во всей красе и пропадал. Но, увы, надежды мои не оправдались...

* * *

Рабочий день подошел к концу, но я заметно задержалась, дорисовывая первую локацию, – не хотелось отрываться, чтобы потом не ловить вновь необходимый настрой. Да и немного увлеклась коротким разговором с Саймоном. Длинных у нас не бывало, потому что иногда говорить было не о чем. Я лишь ставила ему лайки и периодически отказывалась встретиться вживую, зато порой любила пожаловаться в паре строк и получить в ответ очередное задание в фор-

ме «Саймон говорит». Наверное, будь это кто другой, я бы давно перестала общаться, но он... я не знала его настоящего имени, не спрашивала, он ли был тем «парнем с зонтом», но почему-то верила, что он. Ведь тот же зонт, тот же изгиб губ. А спросить боялась.

Так что я задержалась и из офиса вышла часов в восемь. Окна нашего отдела смотрели на небольшой парк, который до сих пор был удивительно прекрасен – моя сибирская душонка так и не привыкла, что здесь деревья не теряют листву к середине сентября. А против главного входа растянулась набережная – выложенная светлой плиткой, чудесная даже в самый пасмурный день.

Полной грудью вдохнув прохладный вечерний воздух с солоноватым морским привкусом, я подошла к белым каменным перилам на самом краю набережной и устремила взгляд на волны. Сегодня слегка штормит, красиво...

Было хорошо, спокойно, можно сказать – умиротворенно. Лишь редкие капли дождя нарушали идеальный покой. Я прикрыла глаза, слушая музыку прибоя: шуршание трущихся друг о друга камней и ракушек; легкий шелест стеклянных осколков, которые со временем обтачиваются, теряя острые края; крики чаек – их сегодня почти не слышно, но если быть очень внимательным, то обязательно заметишь. А еще иногда – если крепко зажмуриться и позволить мечтам заполнить тебя до краев – услышишь, как трепещут паруса на сильном ветру.

Жаль только, что перелив чудесной музыки моря оборвал мужской голос, пропитанный вечными наигранно-задорными интонациями:

– Эй, Пигалица, а чего это ты тут так поздно?

– Соломинцев, ты решил сегодня меня преследовать? – безнадежно поинтересовалась я, даже не поворачивая головы.

– Не-е, я не решал, оно как-то спонтанно получается! – рассмеялся Стас.

Краем глаза я заметила движение – он подошел к перилам и тоже облокотился на них. Однако если я стояла почти прямо, этой дылде пришлось здорово нагнуться. Я улыбнулась, замечая, что поза у Стаса получилась комичная, как раз для шута. Хотя многие поклонницы «лапочки Соломинцева», наверное, смогли бы найти в ней что-то соблазнительное. Филейную часть?

Пока я размышляла о том, насколько могут различаться мнения об одном и том же человеке, к запаху моря добавился легкий аромат дыма. Я резко повернулась, сверля злобным взглядом Стаса, в пальцах которого была зажата сигарета. Соломинцев поднес ее к губам, медленно затягиваясь, и, чуть запрокинув голову, выпустил изо рта дым.

– Выброси эту гадость. – Возмущение прозвучало как-то нерешительно, хотя пару секунд назад я мечтала разорвать гада в клочья лишь за то, что он посмел достать рядом со мной сигарету.

Дело в том, что вид курящего Соломинцева почему-то завораживал. Несмотря на искреннее неодобрение, на аромат дыма, щекочущий ноздри, я загляделась на Стаса. словно не было сегодня нашей перепалки, словно не было лжи о парне, а солгала я в одном – что не очарована им. Потому что сейчас залипла. Эти нежные, но в то же время такие резкие и мужественные движения; прикрытые глаза, дрожащие темные ресницы. Серо-синий фон темнеющего моря и вечернего неба, серые волосы и глаза – привлекательно, будто кадр из фильма, почти нуар, когда одинокий детектив грустит, из-за очередного дела упустив любимую девушку... в такие моменты он обязательно должен достать сигарету и выпустить дым изо рта. Эх, Соломинцев, почему я сегодня все больше подмечаю деталей, за которые дамы тебя обожают?

– Ммм? – Стас вопросительно глянул в мою сторону. Наверное, не услышал требование. Неужели так тихо сказала?

– Дрянь, говорю, эту выброси! – Нахмурившись, я покосилась на сигарету.

– Так они же легкие, почти бабские. – Соломинцев пожал плечами, будто слово «легкие» оправдывало все.

– Но гадость все равно. Слушай, это для здоровья плохо и в принципе некрасиво.

Соломинцев покачал головой, с легкой улыбкой глядя на меня, потом посмотрел на сигарету... и вдруг рассмеялся, как-то так довольно, от души. А я просто стояла и наблюдала за тлеющим кончиком, выписывающим в воздухе дымные

узоры. Что такого забавного Стас нашел в моих словах?

Глава 5

Тусклый свет фонарей рассеивал вечерний сумрак. А они стояли друг напротив друга и спорили о каких-то пустяках. Во многом разные, но все же бесконечно похожие – настоящие, но упорно скрывающие истинные эмоции...

Стас открыто улыбался, но не сомневался, что на осунувшемся лице видна печать усталости: ввалившиеся глаза, впалые щеки. А держащие сигарету пальцы подрагивали. Как же хотелось просто отдохнуть... Хотя Ангелина, наверное, этого и не замечала. Оно и к лучшему, пусть возмущается, хмурится... и заглядывается. Девочка, у которой «есть парень».

Соломинцев рассмеялся – натянуто, срывая связки, стараясь спрятать усталость. Вновь поднес сигарету к губам, затягиваясь. Ему действительно было смешно, он искренне забавлялся... но в какой-то момент почему-то почувствовал: несмотря ни на что, эта мелкая девчонка все равно видит его состояние. И на душе от этого стало чуточку теплей.

– Разве так уж некрасиво? – отсмеявшись, поинтересовался Стас и устремил на меня пристальный взгляд.

Внезапно стало неуютно, как-то... странно. Но Соломинцев уже вновь затыкнулся, отводя глаза. Дым он выпустил

в противоположную от меня сторону, будто понял намек. Кончик сигареты медленно тлел, в воздухе вился серый дымок. Серый. Такой же, как его волосы и глаза, идеальное дополнение к кинокадру, замершему в моей голове. Ответить не получилось, язык прилип к небу. Некрасиво? Нет, он выглядит сейчас просто потрясающе, не поспоришь. Но неправильно.

Соломинцев, казалось, ответа и не ждал. Он вновь облокотился о перила, затушил огонек и бросил окурочок в ближайшую урну.

– Так лучше? – многозначительно спросил он. Я кивнула, а Стас, тяжело вздохнув, добавил: – Я на самом деле редко, до сегодняшнего дня последний раз сигарету в руки брал летом. – Взгляд устремился вдаль, на тёмное волнующееся море. – Коллеги вообще уверены, что я давно завязал. Просто день выдался паршивый. Устал безумно.

Стас рассеянно запустил пальцы в волосы. Я продолжала завороченно наблюдать за его движениями, только сейчас заметив, что на Соломинцеве больше нет дурацкой резиночки. Море и вечер – они путают мысли.

– Что-то на работе?

Сама не поняла, зачем спросила. Мне вроде бы не интересно, но в то же время так хочется знать. Не из-за нашей же ссоры Стас настолько переживает, есть что-то еще. Возможно, и меня он сегодня задирал именно поэтому? Ведь у каждого поступка есть определенные причины. Конечно,

это прерогатива Лены или Светки – выспрашивать все о Соломинцеве. Но я не могла остановиться. Вот смотришь на него так... и уходить не хочется, зато продолжить разговор – с удовольствием. К тому же Стас казался на удивление адекватным, не ехидничал, как днем.

Думала, он не ответит – не мне, с которой ругается при каждой встрече. Разве не я возмущалась, что эта дылда двухметровая сказку испортила, а что теперь? Пытаюсь разговаривать по душам? Но этим вечером Стас явно превратился в какую-то мегаобаятельную и нереальную версию самого себя: даже не огрызнулся. Он улыбнулся и, скосив на меня взгляд, пожаловался:

– Да, в основном на работе... Мы проект делаем, глобальный, для компании не первый, но для нас почти решающий, а в команде народа мало, всего шесть человек, плюс несколько художников. Сами сглупили когда-то, сказали, что не хотим никого новенького, так справимся. Но людей мало, а требования-то те же. Теперь Прохоров высасывает из нас все соки, вернее даже из меня как из главного в команде. – Соломинцев досадливо скривился и крепче сжал бортик. – Проблема в том, что Степан Аркадьевич предпочитает собственноручно все проверять, прикапывается к малейшей неточности. Вот я и просидел у него сегодня часа четыре, выслушивал ругань, будто в игре куча багов, мы нифига не работаем и далее по списку. Даже пообещал такими темпами отстранить меня от управления и перебросить всю нашу команду

вместе с проектом другим ребятам. – Стас раздраженно побарабанил пальцами по камню, оттянул и так расстегнутый ворот. – Черт, это нечестно. Но мы пашем, как волю, и днем и ночью, а действительно не успеваем – народу мало. – Он вдруг повернулся ко мне. – Тебе неинтересно, да?

– Интересно. Правда. – Я улыбнулась, стараясь как-то подбодрить Стаса. Я? Подбодрить Соломинцева? Господи, куда катится мир? – Ты прав, и нечестно ваш труд передавать другим будет. Но дед действительно любит сам контролировать проекты. Недавно несколько часов сидела у него в кабинете, пока обсуждался концепт игры. Думала, умру.

Приободрить не получилось. Реакция Стаса оказалась неожиданной: он закашлялся и впился в меня взглядом. Что случилось-то? Я что-то не то сказала или Соломинцеву снова отказала адекватность?

– Дед? – очень громко уточнил он. – Так ты внучка Прохорова?

– А ты разве не знал? – удивленно поинтересовалась я.

Об этом ведь знает каждый, догадывается, стоит услышать фамилию. Мы с дедом внешне чем-то похожи, а люди – такие существа, которые иногда могут очень быстро провести соответствующие параллели. Или, как оказалось, наоборот, *не* провести... Соломинцев смотрел на меня с таким недоумением и бесконечной обидой, словно от него скрыли важную тайну. Словно я в день нашего не самого приятного знакомства должна была носиться по компании с криками: «Ребята,

я Прохорова! Та самая Прохорова, дед которой – ваш многоуважаемый директор!» Идиотизм. Все догадливые крутили бы пальцем у виска, зато Стас был бы рад.

Но вот во взгляде промелькнуло понимание, а потом он хищно прищурил глаза и сжал губы. Перемена была такой внезапной, что я даже не успела отреагировать. Соломинцев мгновенно оказался рядом, схватил меня за запястье и зло выдохнул в лицо:

– А я-то думал... Так вот в чем дело. Дед. Тебя по благу устроили, да, мелкая?

Я вздрогнула и подняла взгляд. В его глазах плескалось море, лил бесконечный дождь, в голове завывал ветер. Штормовое предупреждение пришло слишком поздно. И из-за чего? Что случилось?

– Я...

– Правда глаза колет?

Капли настоящего дождя начинали барабанить по плечам и оседать на волосах. Пальцы стискивали запястье – не больно, но крепко. А у меня на глаза наворачивались непрошенные слезы. Не умешь ты быть нормальным, Соломинцев. Ты... ты... да за что только тебя Греем назвали, урод? Точно не из сказки явился, а из «Оттенков...»

– Иди к черту, придурок! – закричала я, со всей силы сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони. – Я хорошо рисую, у меня художка за спиной. И никакой я не дилетант в технике, а настоящий программист, просто еще без корочек. Если

хотел оскорбить, не получилось!

О, еще как получилось. Разве не потому я все это выпалила? Разве не потому стояла, кусая губы, чтобы позорно не разреветься? Соломинцев попал по больному. И уже не в первый раз. Дилетант, пигалица, блат... Каждый новый удар больнее предыдущего.

– Ненавижу тебя, сволочь! – рявкнула я, наконец вырывая руку.

И я кинулась прочь, вытирая рукавом выступившие слезы. Бегством делу не поможешь, нужно встречать врага лицом к лицу. Но враг точно не испугается, если кинешься на него с кулаками, заливаясь при этом слезами. Лучше успокоиться. Успокоиться, пережить, попросить деда все же помочь с деньгами и закончить институт. А потом вернуться и доказать Соломинцеву, что я чего-то стою!

Я резко остановилась, шокированная собственными мыслями. Вернуться? Ради глупой мести, которую, возможно, никто и не заметит? Чтобы просто потешить собственное самолюбие?

Что ты делаешь со мной, Ста-асик? Что ты со мной делаешь?

Соломинцев долго смотрел на аллею, где скрылась Энжи. Ловил призрачные тени, завихрения света. Сигареты в его пальцах тлели одна за другой, а вкус никотина уже почти въелся в губы. Порочный, неправильный вкус... но Стас не

мог остановиться.

Он вспылел. Решил внезапно, что все проблемы, свалившиеся на команду, из-за того, что эта девчонка – внучка Прохорова. Из-за нее шеф заставил их переделывать практически половину проекта. Вдруг Энжи обиделась на подколы и?.. Соломинцев покачал головой. Глупые мысли. Да, она обижалась, злилась. Но с чего вдруг должна была жаловаться деду? Бред.

Очередной окурок полетел в урну. Последний на сегодня. И Стас надеялся, что еще на очень, очень долгое время.

Разговор 1

Devil

Привет. Мне срочно нужна порция позитива, меня сегодня обидели.

22:12

Simon

Кто?

22:12

Devil

Один коллега. Ему не понравилось, что я прихожусь родственницей шефу компании.

22:12

Simon

Но это действительно нехорошо.

22:12

Devil

И ты туда же? Ты же видел мои рисунки, разве я плоха?

22:13

Simon

Хороша.

22:13

Devil

В том и дело! То, что я родственница шефа, не означает, что я плоха в рисовании. Сначала нужно проверять, а потом злиться, согласен?

22:13

Simon

Саймон говорит: улыбнись.

22:14

Devil

Ох, а что согласен, не сказал! Но всяко спасибо, ты умеешь поднять настроение =)

22:14

Глава 6

Внутри все кипело. День, три, неделю спустя ничего не поменялось. Я продолжала злиться при виде Стаса, бесилась, слыша его голос, психовала, ощущая малейший аромат одеколона с легкой горчинкой и кедровыми нотками. Было сложно до боли и зубовного скрежета – пытаться спокойно работать, чувствуя за спиной присутствие этой сволочи.

Когда Стас не пришел в наш отдел на следующий день после памятной ссоры, хотя раньше торчал тут постоянно, я была рада. Видеть его не хотелось. Страшно было даже не то, что Соломинцев может вновь оскорбить меня и на этот раз прилюдно, а то, что я в порыве ярости реально могу ему что-нибудь сделать. Сомневаюсь, что «пигалицу» успеют поймать, прежде чем она воткнет ножницы ему в ляжку, расцарапает морду или хотя бы влепит пощечину. Честно, никогда не испытывала подобной злости и искренне не могла понять, почему она обуяла меня именно сейчас. Катюша предположила, что все просто навалилось, как снежный ком. Предательство папиного партнера, переезд, невозможность закончить институт уже в этом году... глупые подколы и оскорбления Стаса стали точкой кипения.

Соломинцев не заявлялся больше недели, и это радовало, но успокоение никак не приходило. Зато в голове поселилась мысль: «А вдруг и правда блат?» У меня всего лишь кур-

сы дизайна, художественная школа и много практики. Разве может это сравниться с профессиональным образованием? На помощь вновь пришла Катя, активно прочистившая мне мозг. «Ты паникуешь из-за образования лишь потому, что не можешь сейчас закончить свое. А сравниться может. Огля-дись, посмотри на рисунки соседки... и расслабься».

Художества Светки действительно немного успокоили. У нее был очень детский наивный стиль, подходящий только для мобильных приложений, но ведь это не означало, что она хуже кого-то? Такой же замечательный профессионал.

Вторым успокоением стал небольшой акт вандализма. Специально задержавшись на работе допоздна, чтобы никто не стал свидетелем преступления, на единственном чистом клочке листа с карикатурой я подписала «КОЗЕЛ». Стало намного легче. Потом, конечно, многие подозрительно коси-лись на стенд и ярко выделяющуюся надпись, но я стоически молчала.

Кстати, в запале я все же попросила у деда денег на учебу. Честно призналась, что хотела бы вернуться сейчас, но «академ» этого не позволяет, и что не уверена, смогу ли накопить нужную сумму до следующего года, поэтому придется добавить. Оказалось, сказать стоило раньше, я зря держала все беспокойства в себе. Мама с папой были настолько уби-ты произошедшим с фирмой, что мои проблемы не обсуж-дали, а дед... он бы помог решить. Но нет, как сложилось, так сложилось. Работа в сфере игр – моя мечта. Нельзя было

опустить шанс попробовать.

Таким образом прошло полторы относительно спокойных недели. Полторы недели – и предынфарктное состояние, когда в отделе вдруг послышался голос Стаса. Во рту пересохло, сердце заколотилось, а пальцы нервно и сильно, до треска, сжали несчастный стилус. Первыми явились странное предвкушение и страх, липкий, плотный, обволакивающий. Потом пришли раздражение и злость.

Теперь с начала безобразия уже минуло двадцать минут. Стас трещал без умолку, как экзотическая птичка, а девочки собрались кружком и слушали его, раскрыв рты. Меня Соломинцев, к счастью, не трогал, будто даже не представлял, кто такая и зачем существую. Но я все равно позорно сбежала в коридор, чтобы не слышать его голоса и восторженного курлыканья коллег. Отдышалась, прислонившись лбом к двери. Вот же... персональное чудовище, извращенец, который каким-то образом перебрался в совершенно другую сказку и зовется именем любимого персонажа. Ты скотина, Соломинцев, знаешь это?

– Привет, – послышалось за спиной. – Что-то случилось?

Этот теплый голос странным образом успокаивал. Хотелось лечь поудобней, закрыть глаза и слушать его, пока не провалишься в безмятежный сон. Но вместо того чтобы свернуться на полу калачиком, я подняла голову, посмотрела на подошедшего и узнала светловолосого друга Стаса.

– Привет, – нерешительно отозвалась я. – Нет, не то что-

бы...

– А что тогда? Вид у тебя унылый. – Он улыбнулся. – Это ведь ты Соломинцеву «чудесный» портрет нарисовала? Я Рома Марков, работаю в его команде. – Он протянул ладонь для рукопожатия.

– Да, это я была. Ангелина Прохорова. – Я невольно рассмеялась, подавая руку в ответ и крепко пожимая ладонь парня. – Можно Энжи. Рада познакомиться.

Рома оказался всего на три-пять сантиметров выше меня, но голос и улыбка... за них можно было простить все. Я с ходу влюбилась в эту улыбку! Боже, какая нежная и согревающая. Как только человек, создающий вокруг себя *такую* удивительную атмосферу, может быть другом наглеца Соломинцева?

– Взаимно. – Роман кивнул. – Замечу, Стаса ты тогда круто уделала, он долго не мог отойти.

– Он первый начал, – поябедничала я.

– Он умеет, – усмехнулся Марков. – Слушай, может, в столовую зайдем, посидим спокойно? Все равно обеденный перерыв. Я хотел Стаса позвать, но он, кажется, занят...

Я искренне хотела отказаться, чтобы не становиться заменой Соломинцева. Да и странно это, «заходить» куда-либо с малознакомыми молодыми людьми. Но довольный смех Стасика, послышавшийся из-за двери, и понимающая улыбка Маркова сделали свое дело. Я кивнула.

– Идем. Хоть развеюсь.

Поначалу мы шли в полной тишине. Я пыталась выкинуть из головы голос Стаса, Рома задумчиво смотрел под ноги, а потом вдруг спросил:

– Так ты, значит, внучка директора?

Я вздохнула. Он в десять раз наблюдательней Соломинцева и спокойно заметил фамилию или же это Стас успел рассказать?

– Ага...

– Давно подозревал. Еще когда увидел, подумал, – довольно заметил он и добавил: – Вы похожи. Кстати, Степан Аркадьевич рассказывал, что ты очень хорошо рисуешь.

– Рассказывал? – удивилась я. Дед, конечно, человек разговорчивый, но не настолько, чтобы каждому встречному без повода говорить о внучке.

– Мы неделю назад всей командой получали у него по первое число, а Грей посреди тирады Прохорова вдруг взял и спросил его о внучке, которая якобы у нас работает. У нас половина ребят Стаса тогда чуть не прибила. Степан Аркадьевич одарил таким взглядом, что все, пиши пропало, сейчас пошлет всех куда подальше и с проектом, и с работой. Кинет недоделанную игру, как кость, какой-нибудь другой команде, более профессиональной. А нет, вдруг повеселел и начал охотно делиться успехами внучки. Судя по его словам, ты просто умница.

Рома улыбался и внимательно смотрел на меня, заставляя краснеть. Нашла их сходство с Соломинцевым: никогда не

исчезающая с лица улыбка.

– Он слишком хорошего мнения обо мне, – неловко отмахнулась я, хотя слышать похвалу было приятно.

– Ну не знаю... Степан Аркадьевич слов на ветер не бросает. – Рома окинул взглядом столовую, выискивая, где бы приземлиться. – Я бы с удовольствием глянул рисунки. – Он замер, повернувшись ко мне, и настороженно поинтересовался: – Или это личное?

Я улыбнулась в ответ и уверила:

– Нет, не личное. Всегда рада, только в офис нужно вернуться. Наброски порой кривоваты, но...

– Не, в офис пока не надо, – категорично отрезал Марков, – я только-только место нам отыскал, во-он там. – Рома поднялся на носочки и ткнул пальцем куда-то глубину столовой, где в углу у стены, видимо, пустовал стол.

Я с трудом смогла скрыть смех. Боже, какая картина. И это друг Соломинцева? Наглого дылды, который дискриминирует меня по росту? А его лучший друг едва ли не подпрыгивает, чтобы разглядеть что-либо за головами более высокого народа. Я наблюдала за суесящимся Марковым и все больше задавалась вопросом: почему все наши девочки сходят с ума по Соломинцеву, а Рому практически не замечают? Он такой чертовски милый и симпатичный, а еще очки... мой личный фетиш.

– Купить тебе что-нибудь? – предложил Рома, когда мы присели. Едва ли он подозревал, что размышляю я сейчас

именно о нем.

– Нет-нет, не стоит, я просто посижу. – Я помотала головой, вспоминая легкий салатик, который успела съесть до прихода Стаса. Салат был из капусты, не самый вкусный, зато полезный. И бесплатный. Кто, если не я, решил экономить каждую копейку, откладывая в фонд учебы?

Ромка ушел занимать очередь у буфета, а я продолжила за ним наблюдать, вновь утопая в мыслях о Маркове и Стасе. Друзья, друзья... а стоит ли мне тогда так непринужденно болтать с Ромкой, если они друзья? Вдруг он решил помочь другу и нагадить мне, снова ранить побольней, раз Соломинцев меня за что-то невлюбил? Катя бы мне во всем помогла, уверена. Она даже вымучивала со мной мои курсовые, когда я затягивала со сроками и рыдала в ночь перед сдачей. А что еще сблизает так же сильно, как гребанные курсовые?

Я окинула Маркова очередным взглядом от светлой макушки с парой торчащих прядей до голубых джинсов и носков белых ботинок. Надеюсь, что нет. Каким бы козлом ни был Соломинцев, не стоит такой же ярлык вешать на его друга. Мне Рома показался уютным. Словно старый друг, общаться с которым не мешают и долгие годы разлуки.

– Держи, я не могу оставить девушку без презента. – Сияющий Рома вернулся минут через пять, неся поднос с едой.

Передо мной расположились чашка чая и тарелочка с маленькой корзиночкой. Джем и апельсиновое желе. Мил даже в выборе десертов, не схватил тошнотворное пирожное

с бесконечным количеством взбитых сливок. Сам Ромка уселся напротив, подвигая к себе поднос с пловом, чаем и булкой – полноценный обед.

– Это подкуп? – шутливо уточнила я. – Выглядит красиво, но перед дедом всяко словечко не замолвлю.

– Ни в коем случае, – уже активно жуя, отозвался Ромка. – Да и с Прохоровым такое не прокатит, он за «поручительства» только сильнее шкуру сдирать начнет.

– Да, есть такое. – Я кивнула, радуясь, что парень понял шутку, и задала мучающий вопрос: – А как ты узнал, что я внучка директора?

Все же догадливый или Стас сказал?

– Знаешь ли, – усмехнулся Марков, – у нас тут идиотов мало – это раз; Прохоровых мало – это два. Тяжело не догадаться с ходу.

Ну как же тяжело? Друг твой не догадался. Зато полторы недели назад из-за этого активно меня оскорблял. Секундочку, Марков сказал, что у деда они были *неделю* назад. Зачем Стас обо мне спрашивал?

– Но, честно говоря, я удивился. – Рома подпер голову рукой и подался вперед, едва не ложась на стол. Прямо как Соломинцев.

Сходство выбило меня из колеи, заставляя ненадолго забыть о неприятных мыслях. Какая же давняя у этих двоих дружба, если они успели нахвататься друг от друга жестов и привычек? И какой же сильной она должна быть. Болезнен-

ная для меня тема, заставляющая постоянно думать и тревожиться. Я тяжело сходилась с людьми в школе, не менее сложно – в институте. Возможно, и скорее всего, сама была не сахар. Слишком разбалованная, слишком нетерпимая. Но нашла человечка, которого безумно боюсь потерять, – Катьошу. До сих пор иногда переживаю, что все рухнет. А Соломинцев и Марков... все-таки кто из них больше дорожит дружбой? И можно ли вообще дорожить «больше»? Если Стас козел, это ведь не означает, что он такой *для всех*.

– Удивилась? – кратко поинтересовалась я. После унылого салатика корзиночка оказалась слишком вкусной, и отрываться от нее не хотелось.

– Я подозревал тебя сразу. Но дело в том, что Стас так заинтересовался внучкой директора, как-то маниакально даже... – Рома поднял бровь. – Я было подумал, что он втюрился.

Я закашлялась, давясь пирожным. То ли жадность сгубила, то ли предположение Ромы оказалось слишком абсурдным. Откашлявшись, я кровожадно воткнула вилку в корзиночку, звякая зубцами о тарелку, и выдавила:

– Очень сомневаюсь. Он скорее ищет способ, как лучше оскорбить.

– Думаешь?

– Знаю. Поверь, я не поклонница вашего Соломинцева, это пусть все мои коллеги скажут вокруг своего местного идола, поят чайком и угощают сладостями. Я рисую карика-

туры не из большой любви!

Ромка подпер подбородок уже двумя руками и лукаво уставился на меня. Сразу стало неудобно. Глаза у Ромы оказались голубыми, ясными, кристально чистыми, но смотрели так пристально, что было не по себе. словно Марков видел меня насквозь и мог выудить из памяти даже тот вечер перед ссорой, когда Соломинцев казался ожившим кадром фильма, вынуждая собой любоваться.

– Забавно! – выдал он наконец, ставя диагноз. – Однако интересно. Девушки всегда любили Стаса.

– Значит, я избранная, – напыщенно фыркнула я, вновь ловя ощущение кадра из фильма, только теперь не черно-белого детектива, а подростковой антиутопии, вместе с Избранными, приключениями и обязательным хеппи-эндом. – А вообще, глупости это, с избранностью. Соломинцев сам виноват, честно.

– А что он такого сделал?

Я вскинулась, всматриваясь в лицо Маркова. Участие, даже волнение... за Стаса. Даже зависть немного пробрала. Они такие разные, и дружбу проявляют по-разному, по-особенному: резковатый Соломинцев – мягкостью, а солнечный Марков – затаенным беспокойством.

– С начала перечислять? – Я насупилась. – Он... ничего особенного, просто обидно...

Ромка что-то промычал, внимательно и ободряюще. Он случаев не психолог, который какого-то черта забыл в ко-

манде программистов? Или, может, Маркова для того и держат, чтоб успокаивал коллег после встреч с директором?

– Вы же друзья? – наконец заинтересовалась я. Марков стушевался.

– Ну... да, – протянул он через несколько мгновений. – Конечно. Мы даже больше... Мы как братья.

Как приторно и опять немного завидно. Чудесный парень. Надеюсь, Соломинцев это знает и ценит.

– И тебе все равно интересно знать, что такого плохого он мне сделал?

Марков прыснул, а потом в голос рассмеялся. Успокоиться он не мог долго. Каждый раз, когда поднимал на меня взгляд, вновь скрючивался от приступа хохота. В чем дело? Что такого я сказала? Но я молчала и ждала, пока Рома успокоится. На его «почти брата» точно обиделась бы за такую сцену, а на этого – просто невозможно!

– Ух, очень интересно, – выдавил Марков, отсмеявшись. – Настоящий друг должен быть в курсе. – И добавил более уверенно: – Даже – и *особенно* – если Стас не прав. Честно, я не расскажу ему об этом разговоре, но раз уж так сложилось...

– Это не секрет, – перебила я. – Не стоит оправдываться. Я помялась немного, собираясь с мыслями и стоически выдерживая пристальный взгляд допивающего чай Маркова. С чего бы начать?

– На самом деле Соломинцев, наверное, ничего плохого не сделал, просто... – все же попробовала рассказать я. –

Знакомство наше прошло дерьмово, остальные встречи тоже не назвать прекрасными и уютными. Откуда взяться хорошему мнению друг о друге?

– Имеешь в виду, что всего лишь из-за пары плохих ситуаций у тебя сложилось плохое мнение о Стасе? – Ромка уже доел все купленное и, оставив поднос, почти лежал на столе. – Он на самом деле чудесный и отзывчивый человек. Инфа сто процентов.

– Для тебя, возможно, он и чудесный, мне же немного не повезло. Понимаешь, со мной он ведет себя как полный ублюдок. Обзывает, издевается, а полторы недели назад вообще взъелся и наорал из-за сущего пустяка. Я тоже не сахар, нарисовала эту карикатуру дурацкую, но... блин...

– Обзывает? Наорал? – Марков сел ровно, задумчиво хмурясь.

– Именно. – Я кивнула. – И знаешь, самое обидное, что он бьет по больному. Первым ударом было «дилетантка». Я четыре курса отучилась на программиста, в железе хорошо разбираюсь – зуб даю! В день нашего знакомства у моего компьютера сгорела материнка, а Стаса позвали только потому, что девочки видеть хотели своего «лапочку Соломинцева». Я бы сама справилась! Но тут заявляется он и с порога заявляет, что «дилетантам лучше не лезть». О да, спасибо, профессионал.

Ромка немного успокоился и сидел теперь, с трудом скрывая улыбку.

– Не смешно, – проворчала я. – Это лишь первая часть. Следующей ступенькой к пику моего терпения стала гребаная дискриминация по росту. Эта дылда зовет меня Пигалицей. Ни разу, ни разу не назвал по имени. Но даже это я стерпела, пережила, практически простила, и полторы недели назад мы вполне сносно вечером пообщались. – Я сделала многозначительную паузу и закончила: – И в тот же вечер абсолютно не догадливый Соломинцев узнает, что я внучка директора, и с криками накидывается, будто на работу меня взяли по блату. Это разве честно? С чего он решил, что...

Ромка подавился воздухом, закашлялся... и заржал как безумный, колотя ладонью по столу. Веселясь, он постепенно сползал на пол, а я смотрела на это чудо света и не знала, как поступить. Может, водички принести? Холодной, чтобы точно голову остудить.

– Пфф... Когда-нибудь вы поладите, обещаю! – выдал наконец Марков.

– Почему это? – возмутилась я в ответ, едва не давась чаем.

– Просто поладите. – Рома пожал плечами, вставая. – Считай, что я подванговываю, но когда-нибудь Соломинцев поставит мозг на место и все расскажет. Сам. И мне, и тебе, и всем остальным. С него станется.

Я ни черта не поняла, но на всякий случай кивнула. Маркова такой ответ удовлетворил, он протянул мне руку, помогая подняться.

– Идем? А то обеденный перерыв заканчивается, самому Стасу закон не писан, а вот меня он по головке не погладит за опоздание.

Я проследовала за ним, оставляя на столе недопитый чай. С Марковым мы шли еще довольно долго – столовая обосновалась на первом этаже, программисты расположились на четвертом, а мы – на третьем. Все соединяла одна-единственная широкая лестница, так что разминуться не удалось. Но главное, все время пути Марков упорно пытался втолковать мне, что «Стас не такой уж и плохой, он просто порой бывает слишком дерганым». Я делала вид, что слушаю и даже соглашаюсь, но мысленно задавалась вопросом: «Это каким же дерганым нужно быть, чтобы сорваться на меня за то, что я внучка босса?»

У третьего этажа Марков остановился, отставая. Я махнула рукой на прощание и зашагала к дальней двери, в конец коридора. На середине пути меня окликнули:

– Эй, Ангелин, может, пообедаем вместе еще разок? Поболтаем.

– О Стасе?

– Почему сразу о нем? – Рома театрально нахмурился. – Есть еще чудесная моя кандидатура, которую можно обсуждать сколько душе угодно.

– В таком случае я с радостью. Как-нибудь потом? – Я обернулась, опять помахала ему рукой и снова двинулась по коридору.

– Ага, – слышалось вслед. – И это, ты правда не злишь на Стаса, он в такие периоды, как сейчас, психует. Но он исправится и сам прибежит извиняться, веришь?

Я лишь обернулась и вновь улыбнулась, скрываясь в офисе. Что Стас решит извиниться, я не верила, а вот что Ромке за него стыдно – охотно. Хороший он все же парень. С таким бы, возможно, я могла сдружиться когда-нибудь. Только, боюсь, Соломинцева совсем это не порадует.

Глава 7

Вечерние посиделки с Катей стали традицией. Конечно, они и были традицией – раньше мы подолгу засиживались в сети, обсуждая все на свете, – но теперь превратились в настоящие встречи раз в два дня, а порой и каждый день. Мы бродили по городу, болтая без умолку, и иногда заходили в ее однокомнатную квартирку попить чая, но излюбленным местом был центральный парк. Здесь по-прежнему шумел фонтан, а зелень укрывала, казалось, от целого мира. В одиночестве же... девочку, мечтающую заполучить кусочек истории Ассоль, тянуло к морю.

– Энжи, – недовольно протянула подруга, – я уже начинаю за тебя переживать. Что это за бесконечная грусть на лице?

– Все по-прежнему: Соломинцев. – Я нахохлилась, сложив руки на груди и исподлобья взирая на подругу. – Я рассказывала.

– Это было полторы недели назад, солнц. – Катя скептически прищурилась. – Все еще бешишься?

– Я... просто не могу успокоиться.

Мы вновь помолчали. Катюша присела на бортик фонтана и задумчиво поболтала пальцами в воде. Нежный голубой маникюр поблескивал, напоминая снежинки, которые в этом году получится увидеть, наверное, только по телевизору.

– Это ненормально, – наконец выдала она. Я вопроситель-

но приподняла брови. – То, что тебя настолько колышет этот парень.

– Чем же?

– Энжи, ты уже взрослая девочка и должна понимать, что я имею в виду. – Катюша закатила глаза. Но я действительно не понимала. Подруга глубоко вздохнула и пояснила: – Черт, я имею в виду: он точно тебе не нравится?

Я потеряла дар речи. Мне? Соломинцев? Нет, не спору, он действительно симпатичный, но из-за того, что человек нравится, обычно не бесятся. Это по-другому работает.

– Мы только и делаем, что ругаемся, Кать.

– И что? – Я ее не убедила. – Правило детского садика иногда действует и на взрослых. Это раз. А два: от ненависти до любви, как говорится...

Я поджала губы, но на всякий случай еще раз попыталась обдумать сложившуюся ситуацию. Ожидала ли я от встречи с Соломинцевым чего-либо особенного? Наверное, да. Девочки так восторгались им, что мысленный портрет рисовался идеальный. Казалось, к нам в офис должен прийти настоящий принц – прекрасный, солнечный, запоминающийся и галантный. Всепрощающий и понимающий. А вместо этого явился... дракон! Местный Монстр. Это разочаровало, определенно. Еще и тот факт, что Монстра величают именем моего любимого персонажа, совсем не порадовал. Может, я злюсь не от великой любви или ненависти, а от разрушенных надежд?

Тут же вспомнилось искаженное злостью лицо Стаса в тот вечер, когда он орал на меня. Нет, дело в другом. Но и не в симпатии в том числе.

– Нет, Катюш. Он мне точно не нравится. Возможно, я и ожидала встретить принца, когда слушала рассказы коллег, но теперь – нет.

Подруга хотела сказать что-то еще, видимо, в очередной раз смутить меня странным предположением – она редко останавливается, если в голову приходит интересная идея, – но я постаралась быстро и безболезненно перевести тему.

– Кстати, а я сегодня неплохо пообщалась с другом Стаса, с Ромой Марковым. Помнишь, я рассказывала, низенький такой, белобрысый. Поболтали в обеденный перерыв, оказался обаятельным парнем...

– А может, он для Соломинцева старался, расспрашивал? – Катя не отступала, не позволяя увести себя с выбранного курса. Все очарование воспоминаний о Маркове было мгновенно уничтожено.

Я печально призналась:

– Тоже об этом думала. Но Марков... он такой...

– Ну, может, ты хоть в него влюбилась?

Поджав губы, я посмотрела на подругу. Она развела руками: ничего не могу поделать, отрицаешь заинтересованность одним парнем – подумай о другом. Иногда Катюша бывала упрямой, как таран, но за это я любила ее в тысячу раз больше. Мы были бы не мы без маленьких компромиссов. Так

что пришлось задуматься и над этим вопросом. Нравится ли мне Ромка? Вот так, просто, с первого взгляда: да или нет? Он теплый, добрый. Я могу представить его рядом... но не с собой.

Я кинула взгляд на Катю. Крошечная, гораздо ниже меня, фигуристая, с выразительными карими глазами. Сидит на бортике, скрестив руки на груди и надув пухлые губки, и ждет. Длинные ресницы, темные волосы. Прекрасна, как есть.

Да, не с собой, а с ней.

– Нет, не влюбилась, – уверила ее я, едва сдерживая улыбку. – Но после первой и единственной беседы с ним могу тебя заверить, что Рома светлый и солнечный. Даже если он разузнает что-то для Стаса, то точно не во зло мне.

– Ты в своем репертуаре, Энж, – укорила меня подруга. – Опять безоговорочно веришь незнакомцам. Как этому своему «парню с зонтиком», к примеру.

Какая есть, какая есть... Но, пожалуй, общение с Марковым действительно стоит свести на нет. Чтобы не провоцировать Соломинцева.

* * *

Сказано – и ни черта не сделано. На следующий день в обеденный перерыв мы с Ромкой вновь сидели в столовой. На этот раз я взяла себе полноценный обед и впервые за мно-

гие недели наслаждалась в середине дня нормальной едой, а не унылыми недодиетическими салатиками, собираемыми бабушкой.

Да, я собиралась не нарываться лишний раз. Но когда над столом навис Марков и, сияя, предложил вновь прогуляться до столовой, все мысли просто вылетели из головы. К тому же оказалось, что «не нарываться» – это одно, а «позлить Ста-асика» – другое. Соломинцев, который опять примчался даже до начала перерыва, провожал нас таким ошалелым взглядом... Бальзам на сердце!

И ведь я могла остановиться, потому что заметила реакцию Стаса сразу, еще когда Ромка только склонился над моим столом... но не стала. Тогда удивление Соломинцева сменилось раздражением. Взгляд его, до этого рассеянно изучавший помещение, будто приклеился к нам. А Марков улыбался и продолжал увлеченно уговаривать меня сходить пообедать: то ли не замечал недовольства друга, то ли, наоборот, наслаждался тем, что злит его.

– О чем задумалась? – Марков отложил вилку и помахал ладонью перед моим лицом.

– Так, ни о чем. – Я покачала головой, умиленно разглядывая кусок торта, лежащий на подносе Ромы. Еще и сладкоежка! Точно не может быть плохим человеком. – Слушай, Ром... наверное, ты бы лучше не со мной сейчас сидел, а со Стасом. Кажется, его не особо радует наше общение.

Марков нахмурился, пожевал губу и отвел взгляд; пальцы

нервно забарабанили по столу. Тема его явно не радовала.

– Забудь, Энжи. Он сам себя не понимает. – Рома раздраженно взмахнул рукой. – Ты интересная девушка, приятная в общении, разве я не имею права хорошо провести время по собственному усмотрению?

– Вы поругались? – Как бы сильна ни была моя неприязнь к Соломинцеву, от мысли, что друзья могли поругаться, у меня сердце упало.

– Нет же. – Марков вздохнул, помешивая ложечкой компот. – Просто я имею право сам выбирать, что делать и когда, не переживай. А Стас все равно вечно убегает.

Убегает к нам. Иных вариантов нет. А это означает, что теперь Соломинцев нагло кидает Маркова в обеденный перерыв и мне повезло занять его место.

– Он больше не ходит в столовую, да? – предположила я.

– Он и раньше редко ходил, но можно сказать и так, – неохотно согласился Рома. – Нынче у Стаса, кажется, появились другие, более важные дела. – Марков усмехнулся каким-то своим мыслям. – Но наш лапуся Соломинцев не признается, каковы причины этих дел.

– Какие-какие, погонять чай с нашими дамами, – проворчала я. – Ладно, не лезу, сам смотри, но я не хотела бы послужить причиной вашей ссоры. Я, конечно, друга твоего не люблю, но зато дружбу уважаю.

Ромка кивнул, помолчал немного, допивая компот, и перевел тему. С ним было легко: общаться, смеяться, дура-

читься. Когда возвращались из столовой на этот раз, я ожидала, что мы опять разойдемся на лестнице, но Марков глянул на часы, задумался на пару секунд и пошагал следом. Предлог был прост: я обещала ему показать рисунки. Так вперед – показывать.

Соломинцев за время нашего отсутствия никуда не делся, так и заседал за Ленкиным столом, окруженный стайкой поклонниц, и попивал чай из крошечной прозрачной чашечки. Интересно, он не лопнет? Судя по довольной физиономии и крошечным глоткам, очевидно, нет. Я сердито принялась рыться в столе в поисках папки, где хранились рабочие рисунки. Еще одна лежала на виду, но она была слишком личной. Портреты друзей и родных, зарисовки запомнившихся моментов из снов, книжных героев... а еще море и алые паруса. Не то, что стоит показывать другим, пока не вступишь их в круг самых близких.

– Что ищешь? – Ромка внимательно наблюдал за моими метаниями, кидая порой заинтересованные взгляды на «личную» папку.

– Рисунки, конечно...

Я широко улыбнулась, отвлекая его внимание, и водрузила на стол толстенную папку с рабочими рисунками. Вторую я молниеносно закинула в один из ящиков.

– Вот они.

– А там что? – спросил Рома.

– Тоже рисунки. Но смотреть лучше эти. Или уже готовые,

на компьютере, – завершила я, вспоминая последний набросок идеи из сна: нагую девушку среди звезд. Нет, смотреть лучше рабочие, это точно.

– Да-а? – подозрительно протянул Ромка, но допрос закончил и согласился довольствоваться тем, что предлагают.

Я села и раскрыла папку. Марков, проигнорировав стул, который сам же принес в начале обеденного перерыва, продолжал стоять. Устроился он удобно – навис надо мной, опершись руками о стол, и практически положил подбородок на плечо. Неуютно не было, было неловко. Не из-за позы, а из-за взгляда Соломинцева с другого конца комнаты. Он прожигал до костей.

Набросков было много, поэтому подолгу я ни на одном не задерживалась, быстро пролистывая и позволяя мельком глянуть на каждый. Надо же, даже не думала, что тут уже столько накопилось!

– Можно? – вдруг спросил Рома. Дождавшись кивка, он протянул руку и разворошил кучу рисунков, доставая из нее один. – И это только наброски... – пробормотал Марков. – Степан Аркадьевич был прав, ты красиво рисуешь. Тебя бы к нам в проект, с персонажами поработать. Стас хотел добавить немного мультяшности, получилось бы просто идеально.

– О нет-нет-нет. Я лишь по мелким играм, на большее навыков не хватит. – Я замахала руками и добавила: – К тому же с Соломинцевым мы бы ни за что не сработались.

Я повернула голову чуть в сторону, чтобы видеть лицо Маркова, и столкнулась с ним носами. Забыла, что он наклонился так близко. Впрочем, отстраняться он не собирался.

– Не наговаривай на себя, – шепнул Ромка, щекоча дыханием мою щеку. – Это замечательно, Стасу бы понравилось. Кстати, из какого проекта? Я честно буду ждать выхода и даже обязательно пройду.

– А пройти стоит! Это новая история Нины Афанасьевой, названия еще нет, но подобие сценария давно у меня лежит.

– О, Нина. Слышал о ней. Должно быть, получится что-то...

– Ромыч-Ромыч, с Пигалецей обнимаешься? – раздался над нами раздраженный голос.

Я едва не подпрыгнула: Соломинцев подкрался незаметно, по крайней мере, для меня. Для Ромы, кажется, его появление не было такой уж неожиданностью. Скосив глаза, я подметила: удивленным Марков не выглядит – скорее искренне довольным. Я тихонько вздохнула, радуясь, что хоть у кого-то все под контролем, и тут же почувствовала, как руки Ромы сомкнулись на моей талии.

– О, Стас. До твоего прихода не обнимался, но ты подкинул прекрасную идею. – Руки сжались крепче. – На самом деле Энжи всего лишь любезно согласилась похвастаться своими рисунками. – Марков слегка наклонил голову, ложась щекой мне на плечо.

– Нет, мы в принципе не... – попробовала возразить я.

Меня ущипнули за бок. Поняв намек, я просто натянуто улыбнулась, одновременно радуясь, что общение Ромки со мной настолько злит Соломинцева, и переживая, что вот-вот попаду в разряд «не жильцов». Стас прибьет и меня, и дружка своего. Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Но божечки, как же приятно видеть недовольство на лице Соломинцева и его напряженные пальцы, сжимающие пояс светлых джинсов. Я ведь его даже карикатурой довести не смогла, а теперь раз – и бесится. Ради такого стоит пережить несколько дней «военного положения».

– Было бы чем хвастаться, – проворчал Соломинцев, отводя взгляд и отступая на пару шагов.

Обиделся? Ревнует друга? У Стаса был такой потерянный вид, что внезапно захотелось послать все конфликты к черту, кинуться за ним и пожалеть. Тоже чаем напоить, например, как делают девочки. Накормить конфетками. И даже поделиться вишневой слойкой из Марининой пекарни – а это, между прочим, для меня самый великий подвиг. Я же не хочу рассорить Соломинцева и Рому, как бы Стас со мной ни обращался. Если они поругаются из-за того, что один относится ко мне нормально, а другой – ненавидит, я буду корить себя, пока не помирю этих двоих.

– Ром, хватит, – пробормотала я, пытаюсь освободиться, – иди за Стасом, извинись. Он же расстроился, разве не видишь? Не стоило со мной общаться, я же говорила!

– Не думай об этом, – хохотнул Рома, крепче сжимая ру-

ки, и протянул вслед уходящему другу: – Ста-ас! – В комнате повисла неловкая тишина. – Похвастаться есть чем, сам посмотри. Если позволят.

Соломинцев не ответил, одарил нас яростным взглядом и громко хлопнул дверью. А у меня слезы выступили от досады: глупая ситуация, дурак Стас! Я же знаю, ты нужен Роме. Зачем обижаться? Просто Марков сегодня немного не в себе.

– Ты зачем это сделал? – рявкнула я на весь офис.

Марков хмыкнул, разжал, наконец, пальцы и осторожно чмокнул меня в щеку.

– Не переживай, все прекрасно, – заверил он. – Стас потом еще спасибо скажет, считай это «мужской солидарностью».

– Солидарностью? В чем? Чтобы он не просто меня ненавидел, а прибил за то, что увожу друга?

Не переживать не получалось. Я же знала, я же понимала, насколько Соломинцев взбесился. С *этим* не сравнится даже наша ссора насчет блата.

– Не для этого, Энжи. Я же сказал, я знаю, что делаю, – уверил Рома. – Соломинцев сейчас в раздумьях, ему нужен небольшой толчок, чтобы мозг заработал и тянул команду дальше. Дадим пару дней. Всего хорошего, до завтра.

– Так... это ради работы? – окончательно запуталась я.

Не ответив, Ромка отсалютовал рукой на прощание и скрылся в коридоре. Я тупо уставилась на закрытую дверь.

Никогда, никогда, никогда мне не будет под силу понять

парней! Зачем ради *стимулирования мозга* устраивать подобные представления? Или Рома решил подставить меня? Я уронила голову на стол, ощутило приложившись лбом о деревянную – или опилочную? – поверхность. Какая же дурацкая ситуация.

Глава 8

Некоторые желания никогда не сбываются. И это я не о своем «хочу сказку, как у Ассоль»: даже такое куда более выполнимо, чем глупая мечта как можно реже сталкиваться с Соломинцевым. На следующий день Рома мне так и не повстречался, даже в столовой, куда я впервые решила сходить в одиночестве, а вот Стас...

Еще один раз – и вечерние встречи с ним станут традицией. Как и вечерние ссоры.

Держа под мышкой папку с рисунками, а другой рукой сжимая в кармане флешку с незавершенным рисунком, который собиралась пилить вечером, я брела прочь с работы. Рядом с нашим офисом есть небольшой магазинчик, такой, из выродышей сетевых супермаркетов: вроде бы и с лейблом, а места как в кладовке. Узенькие проходы, несколько холодильников и только самые нужные продукты. Невероятный ассортимент напитков, видимо, входил в товары первой необходимости. Из-за него я и решила зайти, все равно до дома еще полчаса ползти пешком по темнеющим улицам. Когда в руках бутылка, которой можно долбануть маньяка, становится не так страшно.

Поздоровавшись со знакомой девочкой-продавцом, я направилась вглубь прохода, придирчиво разглядывая бутылки. Так, чего ты хочешь сегодня, Энж, и как долго собира-

ешься сидеть с рисунком? Молочный коктейль, клубничный мохито или энергетик, чтобы не отключиться прямо на графическом планшете? Не в силах выбрать просто так, я решила подчиниться великому рандому, прикрыла глаза и зашептала считалочку. А что? Считалочка всегда помогает в самых сложных жизненных ситуациях.

– Травишься всякой дрянью, Пигалица? – раздалось над головой в тот самый момент, когда я потянулась за выбранным напитком.

Я вздрогнула, отшатнулась и выронила кошелек. Отделение с мелочью расстегнулось от удара, и монетки весело поскакали по плиткам пола. Но это еще не все: протянутой рукой я умудрилась задеть одну из бутылок... и вся выстройка товаров с верхней полки посыпалась на меня. Из-под удара спас сам нарушитель спокойствия, дернув меня назад за шкурку и едва не задушив.

– Соломинцев, чтоб тебя! – рыкнула я, стараясь откашляться. – Издеваешься? Зачем со спины подкрался?

Я наклонилась, первым делом решив собрать раскатившиеся десятки. Как назло, именно сегодня я надела высокие каблук и узкую юбку-карандаш. В таком наряде было лишь два варианта действий: или изображать неуклюжую курицу-наседку, клюющую зерно, или выставить напоказ плотно обтянутую тканью филейную точку. Первый вариант отменялся сразу, поэтому, наплевав на все условности, я опустилась на четвереньки. Стас присел рядом, с легкостью собрал

все монеты, выудив даже последнюю, из-под полки, и вручил кошелек мне.

– Держи, растеряша. – Он поднялся. – И вставай, сейчас все уберем. А то еще немного поползаешь по полу, и я точно решу, что ты пытаешься меня соблазнить.

– Чем это? – пробурчала я, все же вставая и отряхивая колени. Подобрала с пола несколько бутылок, приподнялась на носочки, чтобы поставить их на самую верхнюю полку.

– Вот так ползать перед мужчиной в юбке, которой практически не существует, нечестно.

Я опустила голову, разглядывая юбку. Вполне нормальная: плотная ткань, до колена, с небольшим разрезом сзади. Ничего лишнего, разве что обтягивает сильно. Я в школу когда-то ходила в «юбке серой *школьной* в клетку». Честно, так значилось на этикетке. В итоге оказалась адски короткая юбчонка, которая выбивала из колеи всех учителей старой закалки. Сейчас бы я такую не надела.

– Чем это? – повторила я как попугай и вскинула на Стаса непонимающий взгляд.

Почему-то он подействовал как катализатор: Соломинцев внезапно переменился в лице и зловеще усмехнулся. Я нахмурилась, поднимая еще несколько бутылок.

– А что об этом подумает твой парень? – приторно сладко поинтересовался Стас.

Приехали. Один раз солгала, теперь не отверчусь до конца жизни. Скоро, как в американских ситкомах, начну по но-

чам фотошопить себе совместные фотографии с каким-нибудь сетевым красавчиком и хвастаться перед всем отделом. Программистов. Потому что половина наших девочек прекрасно знает, что я одинока.

– Если «соблазниться» пытаешься ты, какая разница, что подумает он? – нашлась я с ответом. – Он мне доверяет.

– А зря, – выплюнул Соломинцев. – Ромку ты замечательно за нос водишь.

– Что? При чем тут Рома? – опешила я.

Стаса это разозлило еще сильнее: его губы сжались, глаза сузились. Он сделал шаг ко мне, заставляя отступить и прижаться спиной к полкам. Ну как Соломинцев за несколько секунд из вполне адекватного молодого человека может превратиться в монстра? Нет, я понимала, что у вчерашней сцены обязательно будут последствия, но надеялась успеть объясниться.

– Занятая девочка обжимается с другим мальчиком у всех на виду. Как это прекрасно и невинно, – фыркнул он.

– Все не так!

– А как? – рявкнул Стас. В проходе показалась мордашка продавщицы, но я активно замотала головой, умоляя не подходить.

– Соломинцев, послушай, я не сделала ничего плохого, – попробовала оправдаться я. – Рома сам вчера начал, и это было по-дружески, ничего лишнего.

– Неужели?

Он фыркнул, ударяя кулаком о подвернувшуюся полку. Бутылки пошатнулись, но не упали – и то слава богу. Конечно, со стороны вчерашняя ситуация смотрелась странно, но *так* злиться...

– Правда, не ревнуй! – выдала я и тут же прикусила язык, понимая, что прозвучало это довольно двусмысленно.

Соломинцев замер, шокированно глядя на меня, потом сжал кулаки до побелевших костяшек и выпалил:

– Я. Не. Ревную. – Для убедительности он еще раз ударил ни в чем не повинную полку, чем вызвал недовольный окрик продавца: «Эй, охрану вызову!» Но Стасу на охрану было плевать. – Я не могу ревновать девочку, попавшую в компанию по блату. Я стою выше. А ты порыдала перед дедулей и вымолила место? «О, дедушка, я такая несчастная, я такая безработная...»

Я стояла, тяжело дыша и потеряв дар речи. Внутри поднималась ярость – горячая, клокочущая, сметающая все на пути. Последней трезвой мыслью было то, что ревность я поняла неправильно. Не *меня* ревнует – Рому ко мне.

А потом ярость подступила к горлу.

– Кто бы говорил! – рыкнула я на Соломинцева и, вынырнув из-под его руки, метнулась прочь из магазина. Какой, к черту, энергетик, когда в груди все кипит?

Стас бросился за мной, рванул дверь магазина так дико, словно собирался ее сломать, но я все равно успела выскокить на улицу. Вдохнула прохладный вечерний воздух, трях-

нула волосами, ощущая, как пряди тяжело ложатся на спину. Господи, дай успокоиться.

– Кто бы говорил? – рявкнул Стас.

В то же мгновение он прижал меня к стене, сдавил мои предплечья, не позволяя вырваться. Оставить вопрос без ответа было невозможно.

– Именно. Если я попала по блату, то ты держишься тут через постель! О да, Стасик... да, красавчик... – простонала я, пародируя восхищенную Леночку. – Держишься не благодаря мозгам, а потому, что женский коллектив слишком тебя любит. Думаешь, это не заметно?

– Замолчи! – крикнул Соломинцев, придвигаясь еще ближе.

– А то что? Сам заткнешь мне рот? Спасибо, и так бездвигил! Ромка-то твой адекватный, все понимает. А ты кто, Соломинцев? Монстр?

Оказавшись припертой к стенке – в прямом смысле, – я трепыхалась, как мышка, загнанная в угол. Злилась и кусала побольней, словно хотела нанести хоть парочку ран заведомо выигравшему хищнику. Только зря. Потому что я была совсем не мышью, а Соломинцев – не уличным котом. Он бы всяко отпустил, если бы с ним удалось поговорить по-человечески. Но вместо этого случилось то, что случилось.

Стас не ответил, не закрыл мне рот ладонью. Он просто резко наклонился и, клацнув зубами, впился мне в основание шеи. Мгновенно, немного болезненно и...

Я всхлипнула, пытаюсь вырваться, но вырваться уже было не нужно. Соломинцев разжал руки и отошел. Нахмурился, словно до сих пор злился и одновременно... стыдился? Брезговал?

– Иди-ка ты к своему парню. И попробуй оправдаться, – выплюнул он. – И запомни: хочешь общаться с Ромкой – общайся, но не больше. Он мой друг.

Друг. *Друг!* Да он ведет себя, как чертов гей... я зажала ноющую шею ладонью и кинулась прочь. Первый раз в жизни темнота не страшила, а обещала укрытие. Сбежать, сейчас же, быстрее! Но у последнего перед аллеей фонаря я обернулась и заметила Соломинцева там же, где оставила. Он стоял сторбившись и пристально смотрел на меня. Глаза поблескивали в полутьме. Такой разбитый, словно наша ругань вытянула из него все силы.

Что же я делаю?

– Стас, – крикнула я, потихоньку пятясь к аллее. – Мне действительно просто нравится общаться с Марковым. Не глупи. И извини, если это так важно. Я не хочу рушить вашу дружбу.

И я юркнула в темноту, больше не оборачиваясь. Да, я расклеилась. Бывает. Возможно, виной всему стресс; возможно, извиняться не стоило. Но теперь на душе почему-то стало легче.

Зато настроение упало. Вместо короткой прогулки до дома по парку я в итоге выбрала длинный маршрут через пляж.

На небольшой лесенке к побережью скинула туфли, чтобы не развалились ненароком, и ступила босыми ногами на мелкую гальку. Достав плеер, глубоко вздохнула, врубила одну из любимых песен и перевела взгляд на спокойное море. Вот бы мне хоть капельку его сил...

Долой паршивое настроение. Волны и алые паруса – вот что мне нужно сегодня! Не выдуманные парни, не Греи-из-вращения, а настоящая сказка. А мечтать лучше всего под музыку. А еще можно пожаловаться, написав несколько сообщений Катюше или Саймону – после этого точно станет легче.

Стас еще долго стоял на крыльце. На этот раз не курил – во-первых, сигарет с собой не было; во-вторых, пообещал себе снова завязать, – но тянуло невероятно. Кое-как успокоившись, он вернулся в магазин и вновь подошел к полкам с напитками. Всё уже успели поставить на место, даже выровнять, но пара бутылочек все равно выбивалась из общей картины. Стас достал одну из них, покрутил в руках, рассматривая этикетку. Клубничный мохито. Что ж...

– Вы простите за то, что было, – улыбнулся он продавщице, протягивая бутылку. – Просто немного повздорили.

– Милые бранятся... – Она, казалось, не сердилась. – Только в следующий раз не пытайтесь громить магазин.

Милые... Да, в следующий раз они разгромят половину отдела, если он будет продолжать так же беситься.

А она – так его злитъ.

Глава 9

Ромка объявился следующим утром – именно утром, а не в обеденный перерыв. Когда я в несусветную рань подходила к дверям отдела, он уже стоял там, подпирая плечом стенку. А ведь я пришла одной из первых, потому что всю ночь совершенно не могла спать. Со «своим парнем», конечно, объясняться не пришлось, но след от укуса Стаса остался заметный и болезненный, почти как засос. Его пришлось прятать от бабули, замазывая тоналкой и засыпая пудрой.

Так что с утра я была хмурая и сонная, зато Марков лучился счастьем.

– Привет! – Он замахал рукой еще издалека. – Виноват, что вчера не пришел, проспал, опоздал минут на десять, и Стас, гад мой родной, запретил куда-либо шастать во время перерыва. Даже сам принес еду прямо в отдел. Сама заботливость.

– Да, сама заботливость, – мрачно отозвалась я.

Кроме укуса покоя вчера вечером не давали мысли. Я сидела на берегу, слушала плеер и перебирала их, как жемчужины, пытаясь нанизать правильное ожерелье. Вот если бы Соломинцеву, например, понравилась Катюша, я б ее ревновала к этому скоту? Наверное, нет. А если добавить парочку деталей? Что, если бы у Стаса была девушка, выдуманная, конечно, но мы бы об этом не знали? Тогда я переживала бы

за подружку? Да, определенно. И точно пыталась бы всячески отгородить ее, не позволяя обжечься.

Пока я шла к своему рабочему месту, Рома шагал следом. Даже галантно предложил папочку донести, словно пытался выслужиться, словно знал о нашем со Стасом вчерашнем разговоре.

– Ром, слушай, – грустно начала я, врубая компьютер, – давай не будем. Иди к себе и спокойно занимайся своими делами.

– С чего вдруг? – нагло поинтересовался он, плюхаясь на соседний стул.

– Мы же не друзья. – Я пожала плечами. – Да, уже стали хорошими приятелями, нам весело вместе, но это еще не дружба. Так, зародыш.

Марков резонно заметил:

– Если любую дружбу, ненависть и любовь убивать еще в зародыше, то на свете даже людей не останется.

– Понимаю, но с Соломинцевым вы друзья, а меня он недолюбливает. Думаю, лучше его не бесить.

– О да, недолюбливает... – Марков не дал продолжить, заржал, как идиот, сползая потихоньку под стол. – Энжи, я же просил, успокойся. Я знаю Стаса, а сейчас вот начал кое-что окончательно понимать. Это мужская дружба, здесь всякое бывает.

– Всякое? – вспыхнула я, не удержавшись, и потянула за ворот водолазки. – Он вчера психанул и меня покусал! Это

ты называешь «всякое»?

Я честно не хотела жаловаться, но обида не отпускала, а поведение Стаса пугало. Но Марков, вместо того чтобы ужаснуться, увидев синяк на шее, вновь рассмеялся.

– Что? Это он вообще-то *тебя* так ревнует, – возмутилась я в ответ.

Ромка только сильнее заржал, колотя ладонью об стол.

– Сказал, чтобы я теперь попробовала оправдаться перед своим парнем, раз тебя пытаюсь соблазнить за его спиной.

– И как, оправдалась? – выдавил сквозь смех Марков.

– К счастью, не перед кем. Парня нет. – Я развела руками. – Но факта того, что Соломинцев меня нагло покусал, это не отменяет.

Рома все-таки успокоился и сел ровно, побарабанил пальцами по столу, словно раздумывая над последними моими словами.

– А почему Стас считает, что есть? – наконец спросил он.

– Сам делал дурацкие намеки, когда я карикатуру нарисовала. Вот и лягнула.

– Ясно. – Марков вновь искренне развеселился. А я внезапно сообразила, что он спокойно может проболтаться об этом Соломинцеву.

– Эй! Только другу не говори, а то с него станется, – торопливо предупредила я.

– Не переживай, не скажу, – кивнул он. – Так даже интересней.

Почему так «интересней», расспросить Рому не удалось. Время перевалило за без двадцати девять, и офис постепенно начали наводнять наши девочки.

* * *

В итоге Рома от меня не отстал. Зато Стас больше не считал своим долгом заявлять, будто я морочу Маркову голову. Он предоставил другу самому решать, с кем и зачем общаться. Однако Соломинцев каждый перерыв заявлялся в наш отдел и недовольно косился на меня и Рому, стоило нам оказаться вместе. Игнорировать его не получалось – от взглядов пробирал озноб.

К пятнице Стас немного утомился и дал нам передохнуть, так что я приободрилась. Денек выдался не то чтобы погожий, но именно такой, как я люблю: море опять штормило, небо затянуло низкими тучами, зато удивительно потеплело – красота! Сбежав с рабочего места пораньше, я направилась на пляж, отдохнуть после напряженной – не из-за рисунков, а из-за осуждающих взглядов – недели и наслаждаться жизнью. Присела на прохладную гальку, сняла туфли, поставив их рядом, и обняла колени. Море я любила всегда, особенно штормовое. Это так успокаивает: сидеть на берегу, когда стихия беснуется, и ощущать себя частью чего-то большего, частью целой Вселенной. Слушать шум ветра, шелест волн...

На пляже рядом с домом бабушки и дедушки есть деревянный навес. Летом под ним стоят шезлонги для самых незагорающих – ростовчан, москвичей и иных «европейцев»; мы же, сибиряки, всегда уезжаем равномерно золотистые, как курочки. Осенью этот навес неплохо защищает от дождя. Я часто в плохом настроении беру одеялко и иду туда рисовать: на свежем воздухе вдохновение ловится легче. Конечно, пляж рядом с офисом намного менее уютный, здесь даже у воздуха вкус другой, но порой... порой я прихожу и сюда. Чтобы расслабиться. Чтобы вдохнуть полной грудью и забыть обо всем, кроме новой игры: нужных сцен, сюжета, полного тайн, головоломок и задач.

Названия у творения Нины все еще не было, зато были уже замок у самого моря и сказочное королевство. Прекрасные закаты, волны, достигающие вершин самых высоких башен. Я самозабвенно рисовала; крепнущий ветер трепал мои волосы, стремясь вытянуть наушники из ушей. И было прекрасно, просто превосходно!

А потом я подняла взгляд и недалеко, метрах в ста, увидела его.

Соломинцев сидел почти у самой воды, и порой брызги волн касались его голых ступней. Такой счастливый и в то же время хмурый, он будто сам не мог понять, каким хочет сейчас быть. Почти так же, как я, он положил подбородок на согнутые колени, обнимая их. Любовался природой. Забавно, но сейчас, когда Стас был далеко, не злился, не кричал, не

пытался меня в чем-то обвинить, я даже чувствовала с ним единение – то, которое всегда появляется, когда понимаешь, что твою любовь к чему-либо так же трепетно разделяют.

Стас грустно улыбался, перебирая пальцами камни, и совсем не напоминал себя обычного. Проснулось нелогичное желание подойти, присесть рядом, сказать что-то... теплое, чтобы навсегда замирить дурацкие ссоры. Но я стиснула зубы и одернула себя. После скандала в магазине? О нет, Энжи, не рыпайся, а то этот спокойный парень опять превратится в монстра. Любийся издалека, ведь есть в Стасе что-то, за что все зовут его «лапочкой Соломинцевым».

Так что я просто смотрела. Приглушила музыку, долбящую из наушников, сменила композицию... Что-нибудь инструментальное. Да, фортепиано! Тихая пронзительная мелодия клавишных. Вот что ему подходит. Когда молчит, конечно.

Соломинцев подвернул джинсы почти до колен, поднялся, прошелся вдоль берега – лишь на пару метров, не дальше, можно было не волноваться, что заметит меня. А потом он вдруг шагнул в набегающую волну и рассмеялся, раскинул руки и устремив взгляд вверх. Свистел ветер, лилась фортепианная музыка, кричали чайки – и Стас, словно чайка, рвался в небо.

Я ничего не смогла поделать: восхищенно покачала головой. Было в Стасе какое-то очарование. Было. Настолько явное и сильное, что я, достав чистые листы, принялась быстро

делать новые наброски. Море, высокие волны и он, смотрящий в небо. Второй лист – наклонился, ловя ладонями соленые брызги. Третий – сидит на камнях, положив подбородок на колени. Надо будет использовать как основу, но изменить пропорции, чтобы никто не узнал в герое Стаса, или... или просто отложить картинку в личную папку, где никто и никогда их не увидит.

Молодой человек на наброске «менять пропорции» не желал, даже прическа не хотела становиться другой. Соломинцев везде оставался самим собой, но рисовать его было приятно. Не кричащего и кусающегося монстра, а вот такого Стаса, молча и искренне наслаждающегося морем. Почему я познакомилась именно со злобной его версией, а не с этой?

Я не сразу заметила, что Соломинцев смотрит на меня, слишком увлеклась набросками. Очнулась, только когда Стас начал быстро приближаться. Я торопливо бросила карандаш на камни и испуганно спрятала рисунки за спину, туда, где лежали чистые листы. Ста-ас, ну какого лешего ты очнулся? Так хорошо позировал!

– Здра-авствуй, – протянула я. – Надеюсь, сегодня ты на меня орать не собираешься?

Стас замер и удивленно вскинул брови, нависнув надо мной, словно коршун. Лицо было усталым. Надеюсь, у меня получилось запечатлеть это на набросках.

– Ну, привет, Пигалица, – отозвался Соломинцев. – Не собирался, пока не предложила.

– Ой ли... – проворчала я, незаметно пряча изрисованные листы в общую кучу бумаги. Даже извечное «пигалица» не напрягало: на кону стояло более важное дело.

– Считай, что я немного успокоился и не стану пока убивать тебя за друга, – добавил он. Так и хотелось возмутиться: «Не станешь? А почему тогда сверлил меня взглядом всю неделю?», но с трудом удалось промолчать. – Что ты тут делаешь?

– Рисую.

А что еще сказать? «Пока ты, Стас, хоть немного адекватен, я стремлюсь запечатлеть тебя на память, чтобы потом любоваться и показывать потомкам»? Нет. Просто все красивое приятно сохранить на бумаге, а Стас, увы, довольно красив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.